

Э.ШЕВАЛЬЕ

ЧЕРНОНОГИЕ

Классика приключенческого романа

Анри-Эмиль Шевалье

Черноногие

«Public Domain»

1861

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)

Шевалье А.

Черноногие / А. Шевалье — «Public Domain», 1861 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03414-5

Анри-Эмиль Шевалье (1828–1879) – французский писатель и журналист. В своем творчестве он следовал традициям Фенимора Купера, Майн Рида и своего соотечественника Густава Эмара. Даже по названиям его книг уже можно составить представление об их содержании: «Капитан» (1878), «Черный охотник» (1877), «Дочь краснокожих индейцев» (1882), «Последние ирокезы», «Ад и рай другого мира», «Дочь пирата», «Виселица», «Песчаный остров», «Жак Картье», «Краснокожие и бледнолицые» и др. Многие из перечисленных произведений вышли в свет уже после смерти писателя. Действие остросюжетного вестерна «Черноногие», публикуемого в данном томе, происходит в XIX веке на северо-западе Америки и в Канаде. В нем присутствует все то, за что мы так любим произведения Ф. Купера и М. Рида, – коварство и любовь, благородство и предательство, стычки с бандитами, ловушки, похищения. Вихрь страстей, где бледнолицые сражаются с бледнолицыми, а краснокожие воюют против всех, защищая свою землю.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-486-03414-5

© Шевалье А., 1861
© Public Domain, 1861

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	14
Глава IV	17
Глава V	21
Глава VI	25
Глава VII	30
Глава VIII	36
Глава IX	40
Глава X	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эмиль Шевалье

Черноногие

Глава I

Кенет Айверсон

Челнок из древесной коры тихо поднимался по реке Северн к озеру Виннипег. В нем находился молодой человек, вид и осанка которого обнаруживали глубокую задумчивость.

Вероятно, он был чем-то озабочен или погрузился в мечты, расплывающиеся и туманные, обычно присущие молодости и не покидающие поэтические натуры даже до зрелого возраста, когда действительность замещает мечту, когда суровые уроки опыта гасят блески воображения. Хотя, если судить по наружности, он только что вышел из юношеского возраста, но черты его лица носили определенный отпечаток зрелости, наложенный ранней привычкой размышлять о жизни или столкновениями со светом и его превратностями.

Его черные вьющиеся волосы обрамляли привлекательное лицо, не лишенное деликатности, твердое и одновременно добродушное. У него были большие задумчивые глаза, хорошо развитый лоб, прямой, красиво очерченный нос. Недавно отпущенная борода, черная и шелковистая, оттеняла его подбородок. Во всей его фигуре отражалась сила, соединенная с прелестью мужественной красоты.

На нем был охотничий плащ с капюшоном из грубой шерстяной материи, плотно застегнутый и отлично приспособленный к местным потребностям и охотничьей жизни в северных краях. Миты¹ с тяжелой бахромой обхватывали, но не скрывали стройность и изящество его ног. Вместо сапог на нем были мокасины, а на голове теплая меховая шапка. Оружие его состояло из длинного карабина и пистолетов с необходимыми принадлежностями; эти предметы находились близ него на дне челнока. Нашего молодого человека звали Кенет Айверсон. Его товарищи не заслуживают столь же подробного описания. Читатели, знакомые с историей Гудзоновой компании, могут безошибочно и без большого труда представить себе двух нанятых Айверсоном спутников.

Один из них, Крис Кэрьер, нашел для себя нужным отправиться из Техаса к полярным широтам Северо-Запада, исполняя по очереди тяжелые обязанности проводника, охотника или следопыта.

Другой же, Джон Бранд, был французом из Канады, на протяжении многих лет бравший на себя обязанности путешественника².

Природа не одарила его особенным изяществом, но компенсировала это некоторым образом, снабдив в изобилии нервами и мускулами.

Если он и не мог соперничать с Кэрьером ростом, то наверняка превосходил его размерами и шириной плеч.

Вдруг он перестал действовать веслом, а Кэрьер ловко повернул корму челнока к левому берегу реки. Челнок на скорости воткнулся в берег, и от этого толчка заколыхался его утлый корпус.

Потревоженный толчком, Кенет Айверсон поднял удивленный взгляд на Кэрьера и в первый раз заметил какое-то зловещее выражение на лице этого человека.

¹ Обувь, вроде штиблет, доходящая до колен, из сукна или кожи, составляющая часть одежды индейцев и путешественников на Северо-Западе.

² Канадцы специально называют путешественниками тех людей, которые исследуют Северо-Запад.

– Почему вы останавливаетесь без моего приказанья? – спросил он несколько резким тоном.

– Кто знаком с нашим ремеслом, тому знаком и наш обычай останавливаться время от времени, чтобы выкурить трубку табаку, – отвечал Кэрьер отрывисто.

– Ваши трубки слишком часто повторяются. Не прошло и часа, как вы накурились и наболтались порядком на полуварварском наречии. Я достаточно знаком с жизнью путешественника и потому хорошо знаю, что выкурить трубку означает, по-вашему, остановку по крайней мере часа на два.

– Смелчак, сумевший пробраться сюда из Техаса и повидавший всякого на белом свете, не нуждается в проповедях ребенка. Думаю, что такой старый ходок, как я, знаком со страной не хуже кого-нибудь другого. Если я захочу пообедать и выкурить трубку на берегу, то могу поручиться раз и навсегда, что никто мне в том не помешает, ни ребенок, ни старик.

При этих словах Крис Кэрьер переглянулся с Джоном Брандом, который одобрительно кивнул головой.

– Вы обнаруживаете дух упрямства и неповиновения, который заслуживает наказания, но все равно! Поступайте теперь, как вам заблагорассудится. Однако предупреждаю вас, отныне будьте поосторожнее как в словах, так и в делах, – возразил спокойно Кенет Айверсон.

Был полдень, приближалась та пора, когда зима накидывает свои снежные и ледяные покровы на северные края. Земля была уже убелена инеем. Деревья потеряли свою зеленую одежду и, обнаженные, стонали под напором ветров, поднимающихся с болотистых равнин Гудзонова залива к восточным холмам и горам. По водным потокам неслись случайные льдины.

Кенет сошел на берег, говоря по правде, он тоже был не прочь расправить свои окочевшие от холода члены.

– Полагаю, вы не будете возражать против того, чтобы мы развели огонь? – спросил Джон, пренебрежительно пожимая плечами.

– Это не в порядке вещей и против обычаев путешественников – причаливать до обеда, – возразил Айверсон, – но я уже сказал вам, делайте на этот раз как вам вздумается.

– Сделаем, уж будьте уверены, сударь! – заметил Крис дерзко.

Кенет захватил с собой оружие и быстро зашагал вдоль реки, пока его непокорные проводники собирали дрова для костра. Ему было отчего-то не по себе. Его мучило инстинктивное чувство, что ему грозит опасность, но он старался преодолеть это предчувствие быстрой ходьбой. Несмотря на то что он был веселого и довольно беспечного нрава, его опасения все увеличивались вопреки его воле. Вдруг он остановился и стал рассматривать своих спутников, сидевших к нему спиной. Они развели огонь и расположились перед костром.

«Их головы оказались что-то слишком близко друг к другу, – подумал молодой человек, – невольно задашь себе вопрос: надежные ли они люди? Если бы я не видел их в Йоркской фактории, то мог бы подумать, что они тайно находятся на жалованье у Северо-Западной компании. Но зачем терзать себя предположениями? Кенет Айверсон, конечно, может постоять за себя. Эх! – вздохнул он с оттенком горечи. – Вот жребий, достающийся на долю авантюриста!»

Несколько устыдясь своих опасений и подозрений, он вернулся к Джону и Крису, которые, заметив его приближение, занялись приготовлением обеда.

Соблазнившись приятным теплом костра, Кенет бросился наземь, создавая видимость беспечности, но, в сущности, пристально наблюдая за движениями своих подозрительных слуг. Вероятно, он снова погрузился бы в раздумья, если бы Кэрьер не предложил ему чашку кофе, сказав:

– Думаю, что-нибудь горячее не причинит вам вреда, хотя не в ваших обычаях приставать к берегу для обеда.

Кенет машинально принял чашку и выпил ее маленькими глотками, заедая куском пеммикана³.

Вскоре его веки отяжелели и сон мало-помалу овладел всеми его чувствами; его взгляд осовел, и все предметы завертелись у него перед глазами, как в тумане. Яркий костер казался ему далеким закатом солнца; Джон Бранд и Крис Кэрьер двигались как бы в глубине театральной сцены. Ему представилось, что кто-то заковал его в кандалы и отнял способность сделать что-либо. Ужасный кошмар одолевал его, хотя он сопротивлялся ему изо всех сил. Пот выступал на его лице крупными каплями. Если бы ему принадлежали все богатства Компании Гудзонова залива, как охотно он променял бы их на возможность бодро подняться на ноги и снова овладеть своими чувствами!

Это оцепенение прекратилось внезапно: ему показалось, что череп его раскроен жестоким ударом. Тут он совсем потерял сознание и покатился, как мертвый.

Кенет долго оставался в этом положении. Придя в себя, он почувствовал жестокую боль во всем теле. С трудом открыв глаза, он увидел небо, омраченное густыми хлопьями снега. Ни малейшего следа огня, ни тени спутников. Он попробовал приподнять голову: волосы заиндевели. Суровый северный холод насквозь пронизывал тело. Он едва мог пошевелиться.

Но любовь к жизни пустила глубокие корни в душе Кенета. Сознывая свою молодость, он не хотел подчиниться грозной судьбе, не хотел поддаться смерти. Он призвал на помощь всю душевную энергию, все свои физические силы и после продолжительной и мучительной борьбы с оцепенением, останавливавшим кровь в жилах, ему удалось приподняться, потом стать на колени и, наконец, совсем подняться на ноги. В черепной коробке точно слон ворочался. Инстинктивно он положил руку на голову и почувствовал жестокую боль, лоб был залит кровью, превратившейся в лед. Его глаза все еще искали огня, но место, где раньше был костер, покрылось снегом. Кенет ощупью искал свое одеяло и оружие, но напрасно.

– Мерзавцы! – проворчал он. – Мало же они оставили мне средств для того, чтобы остаться в живых. Как преодолеть жестокость этого ветра? Чем защититься от безжалостного снега?

Он попробовал идти, но ноги отказывались служить. Проплетаясь несколько шагов, он остановился, потер свои оцепеневшие члены, похлопал руками себя в грудь, чтобы восстановить кровообращение.

– Я не хочу умирать! – восклицал он. – Я жить хочу! Не может быть, чтобы я лишился жизни из-за каких-то гнусных ублюдков! Нет, это невозможно! Есть же над нами Провидение! Оно пошлет мне руку помощи!

Кенет Айверсон поднял к небу свое истерзанное посиневшее лицо и, простирая руки вверх, воскликнул с отчаянием:

– Вспомни же, Господи, обо мне в эту ночь, и я буду вспоминать о Тебе всегда!

Пронзительный ветер, срываясь с гор, хлестал его по лицу, как бы отвечая насмешкой на его молитву. Зубы Кенета стучали, и резкие порывы пронизывали насквозь. Охапка дров лежала неподалеку, и он поставил себе задачу дотащиться до этого жалкого убежища от ветра.

Ярость бури увеличивалась с приближением ночи. Жестокий холодный ветер по-прежнему беспощадно атаковал бедного молодого человека, а тут новый враг ополчился против него: сон – коварный союзник холода. Сон смыкал его глаза, и они отяжелели от непреодолимой силы; сон убаюкивал его, напевая однообразную песнь о необходимости забыться; любовно умолял он его не сопротивляться и, приголубивая, овладевал его мыслями и постепенно брал власть над его телом в свои руки.

³ Мясо дичи, преимущественно бизона, очищенное от костей, высушенное на солнце и плотно уложенное свертками в огромные кожаные мешки около 30 килограммов. Пеммикан составляет основную пищу охотников и путешественников по пустыням и дебрям Северной Америки.

«Боже мой! – мысленно воскликнул Кенет с мучительной тоской. – Неужели я поддамся сну? Ведь это верная смерть! О, да не будет так! Я хочу сопротивляться до последней минуты! Я хочу жить!»

Ветер хлестнул его по щеке ледяной пощечиной, однако Айверсон все еще продвигался, покачиваясь и спотыкаясь на каждом шагу. Но предательский сон охватил его и господствовал над ним уже по своему усмотрению; бедняга человек стал поддаваться его ужасному могуществу. И вот показалось ему, что он тихо погружается в царство приятных сновидений. Он уже не чувствовал физических страданий и не думал о буре, которая свирепствовала вокруг него. Побеждена его разумная осторожность, уничтожено его сопротивление! Со слабой и мрачной улыбкой он повалился на снег. Отрадные картины проносились перед его цепенеющим взором; глубоко вздохнув, он весь отдался этим сладким, но зловещим ощущениям. Погрузившись в бездну упоения, он потерял сознание.

Внезапно Кенет почувствовал, что его грубо схватили за плечо. Такое неожиданное обращение не понравилось ему, потому что прерывало мирное течение сладких грез. Кто же осмелился помешать восторженному упоению? Кенету казалось, что какой-то завистливый смертный пытается вырвать его из теплой ванны, чтобы выкинуть на стужу февральской ночи. Он почувствовал боль в руке, и ему смутно показалось, что острые зубы хищного зверя терзают его тело.

Однако по истечении некоторого времени ему показалось, как будто что-то теплое прикоснулось к его лицу. Сначала он подумал, что то был солнечный луч, непостижимым путем проскользнувший из южных стран. Но это ощущение было непродолжительным.

Проклятая помеха! Какую жертву с радостью не принес бы он еще за один час отдыха! В его ушах раздавался страшный звон: ему казалось, будто лает собака, и он задавался вопросом, как может животное отрывать его от воображаемого мира. А между тем призрак собаки упорно и даже яростно теребил его за воротник и по временам выпускал свою добычу только для того, чтобы продолжительным и глухим лаем вызвать ночное эхо, как бы обращаясь к человеческим ушам за помощью в деле, которое было ему не под силу.

– Эй! Приятель, что случилось? – закричал сильный и веселый голос.

Айверсон не ответил. Так роскошно было его ложе, так было упоительно его наслаждение, что не хватало ни сил, ни желания ответить.

– Черт возьми! Откуда здесь человеческое существо? – продолжал голос, исходивший, как казалось Кенету, из страшного хаоса и неприятно поражавший его, как фальшивая нота в гармоничном звучании концерта.

– Вот тебе и раз! Так нельзя делать, мой прекрасный господин! В какие же неприятные обстоятельства вы попали!

– Убирайтесь к дьяволу и не надоедайте мне! – произнес Айверсон с нескладным и тупым выражением пьяного.

Эти слова стоили ему невероятных усилий, продолжать которые он не чувствовал особого желания.

– Не будь я Ник Уинфлз, если покину вас! Никогда в жизни я не бросал живого существа в таком беспомощном состоянии. Ха-ха-ха! Ну вот, что еще выдумал, приятель! У нас есть и лекарство для вас. Ей-богу, так! Мы заставим вас подняться на ноги! Я намерен отхлестать вас так, как, может быть, не угощали вас со времен школьной скамьи. Ха-ха-ха! Уж это как пить дать! Ей-богу, так! Покорный ваш слуга!

Человек, назвавший себя Ником Уинфлзом, вытащил длинный шомпол из еще более длинного карабина и, подхватив Кенета одной рукой, а шомпол другой, стал осыпать его градом ударов по плечам и спине, чего бедняге никогда еще не приходилось испытывать с тех пор, как он появился на свет божий.

Сначала молодой человек почти не чувствовал боли от этой экзекуции, но по мере того, как Ник, разгораясь работой, применял свои меры все с большим и большим усердием, Айверсон начал испытывать мучительное возвращение к жизни. Обратный путь из Елисейских полей⁴ к действительности этого мира был совсем иного рода, чем постепенный переход, при котором он потерял всякое осознание внешнего мира. Его способности одна за другой выходили из оцепенения, но для того, чтобы очнуться для неслыханного и невыразимого страдания. Его воображаемая радость исчезла под непрерывными ударами непрошеного благодетеля, стусившаяся кровь незаметно растворялась, и жизнь разливалась по жилам, как ледяные капли предсмертной борьбы. Он не на шутку рассердился на неизвестного пришельца, который пересыпал бичевание фантастическими воззваниями:

– Ты посчитал снежную пустыню за мягкую постель и, как турок, окутываешься снежным одеялом, чтобы вдоволь намечтаться! Потише, добрый молодец! Я научу тебя приличнее держаться, хотя бы для этого потребовалось потерять много драгоценного времени и даже, чего доброго, покупать новый шомпол. Ну что, чужестранец, как тебе нравится мое специфическое лекарство? Ну-ка, вот тебе еще!

Кенет собрался с силами, чтобы броситься на палача, но сил было еще очень мало. В награду за это посыпались новые удары по рукам, плечам и лицу.

– Да чего вам надо от меня? – спросил он наконец, совершенно возмущенный таким грубым, по его мнению, обращением.

– А мне надо обработать вас по-своему, – отвечал Ник с возмутительным хладнокровием. – Видите ли, между нами находится маленькое препятствие.

Охотник – по одежде можно было судить о его профессии – продолжал свое необыкновенное лечение до тех пор, пока жизненное тепло не возобновилось в жилах Кенета и гнев его, утихая с возвращением рассудка, уступил место разнообразным ощущениям. Ник, изнемогая от усталости, прекратил наконец целебные побои и помог молодому незнакомцу подняться на ноги.

– Мучения смерти не были так ужасны, как мучения при возвращении жизни, – сказал Кенет, – но вам и вашей собаке я обязан жизнью, и поверьте, никогда этого не забуду.

– Верю, незнакомец, верю, но не занимайтесь сейчас пустяками. Обопритесь на мою руку и попробуйте идти. Мы с собакой брели по лесу, когда я услышал, что она меня зовет. Она не разговаривала со мной, как теперь мы с вами говорим, но хорошим собачьим языком объяснила мне, в чем дело. О! Мы отлично понимаем друг друга. По наружности она не особенно привлекательна, но удивительно разумна. А вы все спотыкаетесь, потерпите немножко! Сейчас подойдем к славному огоньку, и я угощу вас укрепляющим, чтобы восстановить кровообращение! Ну да, ей-богу, так, покорный ваш слуга!

⁴ Елисейские поля – у древних греков и римлян рай, загробный мир для теней героев и праведников.

Глава II

Саул Вандер

Над белой палаткой Саула Вандера, у самого устья реки Асинтибоана, благотворно сияло солнце весеннего утра.

Саул Вандер давно уже поселился здесь и был известен под именем старого Саула, предводителя охотников. Он пользовался заслуженной славой знатока лесов, равнин, гор, рек и озер. Внешность его производила впечатление такой честности и открытости, что заставляла всякого сразу проникаться расположением к этому человеку.

В то же время в чертах его лица, заглубленного от трудов и непогод, выражалась твердая воля. Голос также выдавал в нем человека твердого и решительного. Обыкновенно он имел величавый вид, но иногда эта величавость сменялась глубокой скорбью. Надо упомянуть о двух особенностях его характера: Саул Вандер полагал, что легкомыслие и хвастливость недостойны человека, и с трудом переносил, когда ему противоречили.

В минуту представления его читателю Саул Вандер сидел у входа в палатку и чистил оружие, необходимое для его промысла. Около него стояла молодая девушка, которая по красоте форм и изяществу осанки заслуживала особого внимания. Небольшого роста, но прекрасно сложенная, она напоминала образцовые произведения древних ваятелей. Идея о совершенстве естественно связывалась с классическими очертаниями ее головы и шеи, восхитительно грациозных, и ее ног и рук, которые по тонкому изяществу линий могли бы стать предметом зависти самых знатных дам.

У Сильвины Вандер был маленький ротик, белые, как слоновая кость, зубы, розовые щеки под легкой тенью смуглой кожи, увеличивающей их красоту, быстрые пронизательные глаза, тонкий изящный нос и ямочка на подбородке; все это обрамлялось роскошными волосами, которые игривыми локонами раскинулись по ее плечам. Облокотившись о плечо проводника, она являла с ним разительный контраст. В ней все дышало чувством, кротостью, красотой во всем ее совершенстве; в нем же все говорило о силе, отваге, энергии во всей ее полноте.

– Видишь, малютка, я все привожу в порядок, чтобы снова отправиться в путь. Старику Саулу нельзя пребывать в праздности, а не то он быстро заржавеет, – сказал проводник, приостановив работу и с любовью посмотрев на дочь.

– А знаете ли, папочка, о чем я думала? – спросила Сильвина после некоторой паузы.

– Да как же я могу знать, что промелькнет в твоей очаровательной головке в течение дня или минуты? Просто какая-нибудь блажь, в которой и смысла, может быть, не найдешь, так, что ли?

– Совсем не так, я решила отправиться с отрядом, – сказала Сильвина и вдруг, выпрямившись и скрестив руки на груди, затопала ножкой.

Старый проводник Саул уронил замок карабина, который усердно чистил куском кожи из лани, и, бросив взгляд на прекрасного ребенка, разразился продолжительным и звучным хохотом.

Она перенесла эту веселую вспышку так спокойно и кротко, как только можно вообразить.

– Саул Вандер, – сказала она наконец, – когда вы насмеетесь вдоволь, мы возобновим разговор и увидим, можно ли нам сойтись в мнениях. Кажется, я сообщила вам свое серьезное намерение.

– Конечно, милая дочка, ты высказала свое намерение, – кивнул предводитель отряда охотников, пожимая плечами.

– Я хочу идти с отрядом, – повторила Сильвина упрямо.

Вандер слегка насупил брови, но, встретив взгляд Сильвины, усмехнулся.

– Продолжай, продолжай, Розанчик: люблю тебя слушать; твой голос, словно серебряные колокольчики, звучит в ушах старого Саула.

– Отец, вы должны слушать его каждый день и круглый год, и это непременно будет, или я не буду вашей чародейкой, – произнесла Сильвина, лаская белыми ручками загорелое лицо предводителя охотничьего отряда.

– Другой такой чародейки, как ты, я и не знаю, – сказал Саул с гордостью.

– Этот вопрос я обдумывала долго и всесторонне, – продолжала молодая девушка, – и наконец решила, что мне необходимо сопровождать вас в будущем походе. Правда, я еще молода и мало приучена к лишениям, но, – прибавила она с жаром, – я уверена, что смогу приучиться к тому, что вы выносите.

– Для этого нужно пройти целую школу, а ты, бедное дитя, будешь разбита после первого же дня похода с отрядом.

– Ну уж этого не будет, – возразила она, решительно тряхнув кудрями.

– Подумай только об опасностях жизни охотника на бобров, – возражал проводник, нежно глядя на нее.

– Именно об этом я думаю день и ночь, милый, дорогой папа, – отвечала она кротко. – Когда вас нет со мной, я все говорю себе: вот теперь отец проходит сквозь темные ущелья, вот он устраивает западни вблизи опасных засад черноногих. Может быть, в эту минуту он ранен и некому поухаживать за ним. Ах! Эти мысли часто отнимают у меня сон.

– Верю, что ты, Розанчик, очень любишь меня, – сказал глубоко тронутый Саул.

– И сомневаться нельзя, Саул Вандер, я люблю вас сильно-сильно, – подтвердила она, рассеянно проводя пальцами по своим маленьким зубкам, как по клавишам фортепиано.

Потом, скрестив руки на груди, она твердо заявила:

– Все-таки я пойду с отрядом.

Затем Сильвина перевела взгляд на группу палаток, белые конусы которых раскинулись вниз по реке; она увидела двух всадников, подъезжавших к ним верхом на лошадях. Один из них ехал на большом караковом жеребце, другой на маленькой лошаденке с длинной и щетинистой шерстью. Их сопровождала собака исполинских размеров и нелюдимая с виду. Старший из всадников, сидевший на лохматой лошадке, был выше среднего роста; он был худощав, но с крепкими мускулами, живые глаза, выдающиеся скулы, рот оригинальный, почти как у записного шута, довольно большой, с горбинкой нос и выпуклый лоб, волосы на голове и бороде огненно-красного цвета. Одежда этого человека была покрыта изрядным слоем пыли и грязи. Как бы низко ни стоял этот человек по отношению ко временным житейским благам, лицо его красноречиво доказывало, что он был и хотел быть счастливым, не заботясь о внешних обстоятельствах, наперекор лишениям и опасностям жизни. Ник Уинфлз обладал прочным запасом оптимизма и оригинальности. Свиристствовала ли буря или нет, благопритествовала ли судьба или нет – не беда! Он был доволен и ни за что на свете не променял бы своего жребия на чей-нибудь другой.

Его спутник был гораздо моложе и имел совсем иное обличье. Зоркие глаза Сильвины Вандер сразу заметили, что он гораздо более знаком с тонкостями искусства одеваться, чем честный Ник, и в то же время она убедилась, что его нельзя поставить в ряд обычных авантюристов. Из скромности она не могла рассматривать его более внимательно, но его привлекательный вид и изящная осанка не ускользнули от внимания девушки.

Взгляд Кенета Айверсона еще издали остановился на Сильвине с любопытством, вполне понятным в его годы. Но, когда между ними оставалось несколько шагов, любопытство уступило место совсем другому чувству – восхищению. Ему показалось, что столь изящной красоты он никогда еще в жизни не встречал. Это видение было для него воздаянием за все, на что он отваживался и что выстрадал в опасных краях Северо-Запада. Откуда появилось это

нежное создание? Как могла расцвести эта лилия в таких диких пустынях? Кенет почувствовал восторг художника, смешанный с обожанием влюбленного. Он готов был с благоговением преклонить колени перед изумительнейшим творением природы в лице этой девушки. Как зачарованный, сидел он неподвижно в седле и не спускал глаз с Сильвины, пока не заставил ее покраснеть.

Ник Уинфлз представил своего спутника.

– Как поживаете, Саул Вандер? Не правда ли, распрекрасная погода? Здравствуйте, малютка, – сказал он, поклонившись Сильвине. – Позвольте мне представить вам доброго малого, который знает все, что понимает, и не ведает ничего, чего не знает. Зовут его Кенет Айверсон. Вы узнаете его лучше, когда познакомитесь с ним поближе. Мы же с ним самые закадычные друзья, потому что однажды, а уж если точнее, это произошло зимой, мне случилось так отхлестать его, как никогда в жизни никто его не наказывал, ей-богу, так, ваш покорный слуга!

Кенет вспыхнул, как пион, и быстро и неодобрительно взглянул на Ника, которого, видимо, забавляло его замешательство.

– Господин Айверсон является к нам с великолепной рекомендацией, – сказала Сильвина, опуская глаза.

– Друг мой Уинфлз несомненно оказал мне великую услугу, – сказал Кенет, кусая губы с досады.

– Вот этот шомпол сделал свое дело, – продолжал Ник, притрагиваясь пальцем к шомполу карабина, – после того как я порядком отхлестал его, как вам уже известно, я так ослабел, что меня можно было повалить кончиком пера.

– Но чем же заслужил ваш друг такое наказание? – спросила Сильвина, налегая на слово «друг».

Хитрая девушка, верная инстинктам своего пола, хотела наказать Кенета за то, что он заставил ее покраснеть. Ник Уинфлз протянул правую руку и с суровым упреком сказал:

– Он замерзал – вот чем он заслужил необходимую экзекуцию. Его оглушили двое мерзавцев и бросили в пустыне, сочтя мертвым. Стужа убила бы его, но я пришел, не пощадил себя, и вот благодаря щедрой порке он ожил. Крис Кэрьер и Джон Бранд – вот злодеи, совершившие такое бесчеловечное дело! Надеюсь, Саул Вандер, что придет время, и мы отплатим им той же монетой. Удалось бы мне только пустить Огневика за ними вслед – Огневик, это мой конь, – то с помощью Напасти – это моя собака – я не упустил бы случая познакомить их с Хвастуном – с моим карабином. Ей-богу так, покорный ваш слуга!

– На мой взгляд, – сказал проводник, – у вас весьма странное представление о прозвищах. Не могу, например, понять, что может быть общего между карабином и Хвастуном. По моему мнению, карабин менее всех на свете несет чепуху и грешит хвастовством.

– Надеюсь, однако, что вы все согласитесь со мной, что и карабин иногда производит изрядный треск, когда отправляет за шестьсот шагов пулю в смертное тело краснокожего или дикого зверя. Мы все имеем маленькие странности в том или другом, ну а мои касаются прозвищ. Я люблю, чтобы они были на что-нибудь похожи, тогда мне легче их запомнить. Вот эта собака, – продолжал Ник, указывая на громадного пса, – на вид не очень привлекательна, но вы не представляете, какое у нее доброе сердце! Сознаюсь, она немножко своенравна и имеет небольшую склонность считать всех обитателей земли за естественных врагов. Она внушает страх злодеям, юбкам и вообще всем на свете.

Пока Ник распространялся о прозвищах и достоинствах своей собаки, Кенет бросал восторженные взгляды на Сильвину. Уинфлз, наверное, перешел бы к пространному описанию своей лошади и к особенностям ее прозвища, если бы появление нового лица не изменило направление разговора. Вновь появившийся человек был гораздо старше Кенета, немного выше его ростом и сложен не столь пропорционально. У него был бронзовый цвет лица и глу-

боко запавшие глаза. В физиономии его не доставало искренности, и лоб бороздили морщины. У него был маленький рот, тонкие губы, крепко стиснутые над белыми и острыми зубами. Нос, отдаленно напоминающий римский, ущемленный к ноздрям, совершенно подходил к остальным чертам лица. Он носил черную бороду, за которой, как видно, тщательно ухаживал. Подойдя к разговаривающим, он вежливо поклонился проводнику и его дочери, едва кивнул головой в знак приветствия Нику и окинул Айверсона быстрым инквизиторским взглядом.

– Доброе утро, господин Морау, – сказал Саул Вандер, – это Ник Уинфлз. Кажется, вы и прежде слышали о нем, а этот молодой человек – его друг. Айверсон, если не ошибаюсь. Господин Айверсон – Марк Морау.

Марк Морау, спрыгнув с лошади, едва обратил внимание на Кенета, да и в этом внимании было мало лестного, потому что оно ограничивалось коротким и высокомерным взглядом.

– Ну, как идут ваши приготовления к летнему сезону, друг мой? – спросил он у предводителя охотников, не спуская глаз с Сильвины, которая в ту же минуту выразила намерение скрыться в палатку. – Думаю, что утренний воздух не причинит вам вреда, Сильвина, – поспешил он сказать, угадав намерение девушки и не дождавшись ответа Саула.

– Утренний воздух никому не причиняет вреда, – согласилась она сухо.

– Дела идут довольно хорошо, – отвечал Вандер на вопрос. – Скоро наши отправятся по дороге к плотинам бобров.

– Искренне желаю вам успеха, и если надежда – не пустая мечта, то вы, наверное, будете иметь успех. Будь вы какой-нибудь молокосос, – при этом Марк посмотрел на Кенета, – я не имел бы большой веры в такое предприятие; но так как вы человек совсем другого закала, то я и не сомневаюсь, что вы возвратитесь с богатым грузом мехов.

Айверсон, стоявший около своей лошади, небрежно положив руку на седло, внимательно изучал выражение лица человека, произносившего эти слова, и заметил, что в его глазах была какая-то неуверенность, что-то сомнительное, как бы признаки тайного замысла и предрасположения к вероломству. Ему бросилась в глаза и перемена в поведении дочери проводника с первой минуты появления этого высокомерного незнакомца. Ясно, что он производил на нее сильное впечатление. «Бойтся ли она его и ненавидит?» – мысленно задался вопросом Айверсон. Морау приблизился к Сильвине.

– Надеюсь часто вас видеть во время отсутствия вашего отца, – сказал он с жаром и понижая голос. – Колония Красной Реки может поистине считаться очаровательным убежищем, пока вы здесь находитесь. Позвольте надеяться, что уроки доставят вам удовольствие.

– О! Я не ученица и давно уже покончила с уроками, – отвечала она с досадой.

– Тысячу раз прошу прощенья! – воскликнул он поспешно. – Я совсем забыл, что вы не та особа, которая согласилась бы бледнеть и растрачивать блеск своих прекрасных глаз над книгами.

Тут он наклонился к ней и прошептал несколько слов, которых другие не могли расслышать. Сильвина вспыхнула и поспешно отвернулась.

«Что же это, гнев или любовь?» – еще раз спросил себя Кенет.

Марк Морау дружески махнул рукой, откланявшись Сильвине, и, повернувшись к Айверсону, нагло посмотрел на него. Вслед за тем он вскочил на коня и уехал, отвесив прощальный поклон проводнику и его дочери.

Кенет Айверсон проводил его взглядом с тревожным и мрачным предчувствием, в причине возникновения которого затруднялся дать объяснение даже самому себе.

Глава III

Марк Морау

Встревоженный и сильно озабоченный, Айверсон возвращался к своей палатке. Он уже понял, что красота Сильвины произвела на него глубокое впечатление, запала в сердце. Никакими выходками не удавалось Нику Уинфлзу отвлечь его от мыслей о девушке. А между тем ни один луч надежды не освещал эти мечты. Сомнение и неизъяснимое чувство ревности отравляли их. Зловещее лицо Марка Морау стояло между ним и прелестной девушкой, и опасение, что Сильвина может предпочесть другого, не оставляло его ни на миг.

Покорившись непреодолимому влечению, он на другой же день отправился к Саулу Вандеру, повторил визит и на следующий день – словом, пустился на всех парусах в океан любви.

Четыре дня спустя после первой встречи с Сильвиной Ник Уинфлз разговаривал с Айверсоном неподалеку от лагеря звероловов, совсем уже готовых выступить в поход, как вдруг подъехал Марк Морау на своем великолепном коне в сопровождении слуги. Они остановились около Кенета.

– На лице его собираются тучи, – проворчал Ник, – голову даю на отсечение, это предвещает бурю. Словно пулей из карабина, он пронизывает вас своим правым глазом.

– Что это за человек, который следует за ним? – спросил Кенет.

– Где-то я видел этого типа, но имени его не запомнил. У! Каким лютым тигром он смотрит!

Кенет перевел взгляд на Марка Морау и сухо поклонился. Ответив на этот поклон едва приметным движением головы, Марк соскочил с лошади и бросил поводья слуге, после чего медленно, но решительно повернулся к Кенету. Глухое раздражение, видимо, поднималось в его груди. Не произнося ни слова, он скрестил руки и уставился на Айверсона наглым взглядом.

Такая неожиданная выходка захватила Кенета врасплох. На минуту он смутился, и губы Морау скривились в презрительной улыбке победителя.

Но смущение молодого человека продолжалось недолго. Снова овладев собой, он смело осмотрел незнакомца с головы до ног, отвечая на оскорбление спокойствием. Пронзительным и коварным был взгляд Марка; холодным и неуязвимым – взгляд Кенета.

Ник Уинфлз отодвинулся на три или четыре шага и, небрежно облокотившись на ствол своего карабина, наблюдал за этой странной дуэлью с неподражаемой беспечностью.

«Кто же выйдет победителем из этой схватки взглядов?» – с любопытством спрашивал себя зверолов.

Увидев, что нравственная сила Кенета соответствует выдаваемой им ярости, Марк Морау нахмурил брови. Бешенство пересилило первоначальное намерение высказывать только презрение. Черты его лица страшно исказились. Ярость сверкала в глубине жгучих глаз; все в нем говорило о бешенстве, дошедшем до крайности.

И никогда еще Кенет не обнаруживал такого чувства самообладания, как теперь. Поистине он имел величественный вид. Раздраженный до крайности этой неожиданной, бесстрастной твердостью, Марк внезапно ударил его по лицу своей тяжелой меховой рукавицей.

– Вот даже как, – сказал молодой человек неизменившимся голосом, не меняя гордоспокойной осанки и ничем не обнаруживая гнева, – вы не назвали мне причины вашего раздражения, и я не понимаю ее, но за этим дело не станет. Вы получите, чего ищете.

Еще раз дрогнуло лицо Марка. Он почувствовал уважение к своему противнику и понял, что необходимо обуздать себя, чтобы держаться наравне с Кенетом.

– Вам предстоит выбор оружия, – сказал он более сдержанным тоном.

– Знаю, – ответил Айверсон и прибавил медленно: – И я выберу.

При этих словах, произнесенных как-то странно, Марк Морау невольно вздрогнул.

– Но прежде всего, – продолжал Айверсон, – мне хотелось бы узнать, не обидел ли я случайно или преднамеренно вас или кого-нибудь из ваших. Так как один из нас должен умереть, и поскольку смерть есть великое и торжественное дело, то я желаю приступить к ней со знанием причины и, по возможности, с чистой совестью.

– А мне кажется, это совсем ни к чему, тем более что я вас оскорбил так, что забыть этого нельзя по крайней мере тому, кто дорожит званием дворянина. Достаточно вам знать, что я имею повод к смертельной вражде.

Он остановился, но, будучи не в силах сдержать гнев, бушевавший в его груди, вдруг вскрикнул с пеной у рта:

– Нам не надо интриганов; всякий чужеземец, являющийся сюда, не должен пускаться по следам Марка Морау!

– Сильвина! – произнес Ник Уимфлз, как бы рассуждая сам с собой.

Противники одновременно взглянули на Ника, потом друг на друга. На их лицах можно было прочесть причину стычки, которую оба знали, но не желали произносить вслух. Кенет покраснел до ушей, Марка передернуло. Однако оба скоро справились со своими чувствами.

– Это вы мне говорите? – нетерпеливо спросил Айверсон, обращаясь к Нику.

– Нет, право слово, нет, – возразил Ник, слегка постукивая ладонью по дулу длинного карабина. – Право слово, нет, хотя мне и очень бы хотелось потолковать с вами о деле, но у вас и без меня теперь дел выше макушки! Ну да, ей-богу, так, а я ваш покорнейший слуга.

Кенет обратился к Морау.

– Напрасно, – сказал он сурово, – напрасно вы хотите скрыть действительные причины, побуждающие вас к таким поступкам. Если вы и не сознаетесь, я могу угадать их.

– Так к чему же спрашивать попусту? Будет ли какая-нибудь разница через сто лет после нас в том, дрался я за мужчину или за женщину? Если у вас есть мужество, которым вы только тщитесь или выставляете напоказ, к чему колебаться? Назначайте место, час и оружие.

– Хорошо, господин Морау, время – завтра, спустя тридцать минут после восхода солнца; место – красивая площадка неподалеку отсюда, очаровательное место для могилы; оружие будет готово к вашим услугам. Нравятся ли вам эти условия?

– Да, за исключением одного: час недостаточно быстро пробьет, – сказал Морау, кладя руку на рукоятку пистолета, высовывающегося из-за пояса, – однако я умею ждать.

Улыбка мелькнула на губах Кенета.

– Вы ничего не сказали о секундантах, – заметил Марк.

– Вот мой секундант, – сказал Айверсон, указывая на Уинфлза, и, обращаясь к тому, спросил: – Ник, ведь я могу на вас рассчитывать?

– Ну да, ей-богу, так, я ваш покорнейший слуга! – кивнул охотник, нежно поглядывая на свой карабин.

Саул Вандер, окончив приготовления к походу звероловов, беседовал с дочерью, сидя у входа в палатку.

– Совсем не понимаю твоей настойчивости, – сказал он, глядя на Сильвину. – Не могу и догадаться, почему и зачем. Понимаешь ли?

«Понимаешь ли?» – было любимым выражением старого проводника.

– Милый папочка, предположите во мне достаточно чувства и рассудка и поверьте, что моим желанием управляет не каприз и не минутная блажь. У меня есть важные причины, чтобы оставить эту колонию и оставаться под вашим непосредственным покровительством. Сознаться, охота к приключениям тоже соблазняет меня до некоторой степени. Может быть, от вас или от покойной матушки я унаследовала эту склонность. Вы мне часто рассказывали, что бедная матушка – да упокоит Господь ее душу! – очень любила неизмеримые равнины, озера, реки и горы Северо-Запада.

– Да, – отвечал Саул со вздохом, – она любила зеленые долины, высокие горы, тихие озера и журчание ручейков. Ладно, можешь идти с отрядом.

– Благодарю! О, благодарю, мой обожаемый проводник! – воскликнула Сильвина, целуя отца.

– Я ни в чем не могу отказать тебе, избалованное дитя!

Говоря это, он ласково ущипнул ее за подбородок, потом дал ей некоторые наставления на дорогу, сам же отправился к лагерю звероловов.

– Волк! – крикнула Сильвина, оборачиваясь к палатке.

В ту же минуту появился маленький индеец лет четырнадцати. Движения его были легки, осанка, как у юного Аполлона. Его темно-красное лицо отличалось дикой, странной, почти обворожительной красотой. За несколько шагов от Сильвины он остановился, потупил черные глаза в землю и молча стал ожидать приказаний своей госпожи.

– Волк, – сказала она, рассматривая его с глубоким вниманием, – несмотря на твой коварный нрав и на природную индейскую гордость, до сих пор ты был мне верен и покорен. Исполни же и теперь мое приказание. Ты видел Марка Морау, когда он спускался к лагерю вчера и сегодня утром. Послушай же, мой дикий и гордый мальчик, у тебя такие зоркие глаза, как у рыси, и если ты так же хитер, как вся твоя порода, то ты многое прочитал на его лице и можешь мне сказать, что оно выражало.

– Восход Солнца, – заметил юноша, несколько обиженный, – ты забываешь, что Волк всего лишь отпрыск черноногих.

– Знаю, что другие оскорбляют тебя и упрекают происхождением от храбрецов черноногих, но я никогда не обращалась к тебе с обидным словом. Полно же ломаться перед своей госпожой, которая всегда снисходительна к тебе.

Мальчик медленно поднял глаза и остановил взгляд на Сильвине.

– Волк не жалуется, – сказал он, – Волк достаточно взрослый, чтобы заботиться о себе самому. Он носит нож при себе, а твой отец дал ему и карабин. Кто бы его ни обидел, белый или черный, все равно, Волк знает, что ему делать.

Из зрачков маленького индейца вылетали искры ярости. Успокоившись, он продолжал:

– Дева с лучезарным сиянием в глазах! Ты, могущая озарить светом самую непроглядную тьму, ты спрашиваешь у молодого Волка, что на душе у бледнолицего, и Волк тебе все скажет. Лисий Хвост, – продолжал он, прибегая к иносказательному языку индейцев, – желает, чтобы свет Восхода Солнца блистал в его вигваме. Сердце его горит огнем ревности к юному потомку бледнолицых, который скитается около вашей палатки последние четыре дня. Лисий Хвост постарается убрать его со своей дороги. Сумрачен, как гроза, был он сегодня утром, отправляясь в лагерь бледнолицых.

– Волк, ты обладаешь мудростью, которая, по преданию, принадлежит твоему роду. Как быстрая лань, беги в лагерь, перегоняя ветер! Наблюдай за Марком Морау! Ни на один миг не спускай с него своих острых глаз. Внимательно смотри, что будет происходить между ним и Кенетом. Потом спеши, лети ко мне, как стрела.

– Ты сказала, и потомок черноногих внимал тебе, твой голос для его ушей, что журчание тихого ручья. Ты приказала, и Волк повинуется.

Смышленным взглядом он окинул Сильвину и, как быстроногая лань, полетел вдаль.

Глава IV

Дуэль

На востоке загорались животворные лучи солнца. На лазоревом своде не было ни одного облачка. Воздух был пропитан благотворными ароматами весны. Тихий ветерок, дышащий отрадой, подобно дыханию юных дев, беспечно резвился в лесах и лугах.

Выйдя из палатки, Кенет Айверсон и Ник Уинфлз отправились к месту назначенного свидания. Судя по всему, у них было мало охоты пускаться в разговоры. Ник недоволен и часто поглядывает искоса на Кенета. Молодой человек задумчив, но вместе с тем невозмутимо спокоен.

– Послушайте, дружище, – произнес наконец Ник с видимым усилием, – на мой взгляд, это прескверная шутка, и мне бы очень хотелось уладить это проклятое недоразумение.

– Невозможно, – сказал Кенет.

– И то правда. Не ударь он вас перчаткой, совсем иное дело. Верно и то, что я не вижу средства выволить вас из этой беды. Ведь он метко стреляет из пистолета, и меня заранее пробирает дрожь: ну, как придется мне хоронить вас в этих краях? А уж я ли щадил себя, отбивая вам все кости, когда возвращал вас к жизни в прошлом году?

– Если вам действительно придется выполнить последний долг в отношении меня, – медленно возразил Кенет, – хотя я уверен, наши шансы равны, то, положив меня в последнее убежище, обещайте отправить на мою родину приготовленные письма, которые я оставил в палатке.

– В этом будьте уверены, ну, да, ей-богу, так! А я ваш покорнейший слуга!

– Благодарю, Ник, честный и храбрый мой товарищ.

Уинфлз вытащил откуда-то сильно измятый платок и вытер капли пота, выступившие на лбу. Потом он посмотрел на небо, взглянул на землю и перевел взгляд на Кенета. Видимо, в голове его вертелась мысль, которую он хотел и не решался высказать.

– Вот и я, – сказал он наконец, – тоже обожал дуэли. В них есть какая-то притягательная сила. Ведь и дед мой был страстный охотник до дуэлей. Сто раз, если не более, он дрался и не больше двух раз был ранен. Наверное, он и теперь бы здравствовал, не случись с ним последняя болезнь, которая доконала его, несмотря на крепкое сложение. На мой взгляд, последняя болезнь вообще бывает хуже всех болезней. Но не об этом речь.

Улыбка мелькнула на лице Кенета, и он искоса посмотрел на приятеля.

– Вообще говоря, в нашей семье на дуэли смотрят с каким-то особенным уважением, так что я готов просить вас, не будет ли угодно вашей милости уступить мне эту честь.

– Вы шутите? – спросил Кенет недоверчиво.

– Ах! Боже мой, какие тут шутки! До шуток ли в делах такого рода, когда из этого куска железа, – сказал он, любовно поглядывая на свой карабин, – я могу всадить пулю в любого на расстоянии четырехсот футов? Вот именно с этим карабином я и буду драться. Я называю его Хвастуном, хотя с ним никогда не останешься пустым хвастуном лицом к лицу с врагом; тогда он бывает верным залогом удачи.

– Благодарю за великодушное предложение, но это невозможно. Только одну милость вы можете оказать мне: похороните меня, если мне суждено умереть, и исполните данное обещание относительно писем.

– А больше вы ничего не желаете от меня?

– Кажется, ничего, – отвечал Кенет задумчиво.

– И нет ни одного слова, которое вы желали бы передать ей, в том случае, если вам не доведется с ней еще раз поговорить?

– Ей... передать ей! – повторил Кенет, задумчиво потупив взор. – Да, передайте ей, друг Ник... Нет, нет! Мне нечего ей сказать.

Старый охотник с явным сомнением покачал головой.

– Вот и он! – воскликнул Кенет, указывая на подходившего человека.

– Капитан! – проворчал Ник.

И точно, то был Марк Морау.

На нем был изящный костюм северного охотника. Длинная черная борода небрежно развевалась. Он держал в руке большой карабин. Пистолеты и большой кривой нож торчали за поясом. Походка его была неровной, порывистой, на лице проглядывало смущение.

На некотором расстоянии от него, на повороте из сосновой рощи, вскоре показались Джон Бранд и Крис Кэрьер, те самые люди, с которыми читатели познакомились в самом начале этого рассказа. Оба были вооружены.

– Гм-гм! – проворчал Ник Уинфлз. – Бьюсь об заклад, что эти мошенники задумали как-то помешать справедливому решению спора.

И, наклоняясь к уху Айверсона, шепнул:

– Видите этих молодцов? Если вы не будете возражать, то я, не медля ни минуты, отправлю их к дьяволу. Для палача одной заботой меньше, я готов поклясться в том. Ну да, ей-богу, так, а я ваш покорнейший...

– Боже вас сохрани! – перебил его Кенет с горячностью.

– Но, – настаивал Ник, – но...

– Нет, я буду драться, как надлежит честному человеку. Правда, я не могу объяснить себе причину ненависти этого Марка ко мне, однако наш долг...

– Глупые церемонии! – прервал его Ник, бросая взгляд на дуло своего карабина. – Не будет большой беды, если очистить край от этих злодеев...

– Запрещаю вам, – сказал Айверсон строго.

– Хорошо, покоряюсь, но, право слово, тяжелых трудов мне это будет стоить, ну да, ей-богу, так, а я ваш покорнейший слуга!

– Оставайтесь здесь, – сказал Кенет.

– Как же это?

– Я один подойду к противнику. Мы уговоримся с ним насчет условий дуэли, а вы не спускайте глаз с его людей.

– Как! И вы доверитесь ему?

– Да, ведь так принято.

– Но разве вы его знаете?

– Что же за беда, если и не знаю? Я осторожен и хорошо вооружен. Не тревожьтесь напрасну, все обойдется благополучно.

– В таком случае, – сказал зверолов с плохо скрываемым волнением, – позвольте мне дать вам совет быть менее доверчивым, и если бы я осмелился...

– Дайтежать вашу руку! – воскликнул Кенет.

Уинфлз протянул руку, которую тот крепко пожал.

Твердыми шагами он пошел навстречу Морау, поджидавшему его на некотором расстоянии.

Крис и Джон остались у сосновой рощи.

Кенет и Марк приветствовали друг друга холодными поклонами и около минуты молча смотрели друг на друга.

Морау первый прервал молчание.

– Надеюсь, вы понимаете, зачем пришли сюда? – спросил он дерзко.

Айверсон вежливо поклонился.

– Вы должны драться... насмерть, – продолжал Марк, цедя слова сквозь зубы.

– Пусть будет так.
– Ваше оружие?
– Пистолет. Я оскорблен и, следовательно, выбор оружия принадлежит мне по праву.
– Как вам угодно. Пистолет, карабин или кинжал – для меня все равно: одно стоит другого. Волки попируют нынешней ночью над вашим трупом.

Айверсон не удостоил ответом столь явную самонадеянность.

– Решено, – сказал он, – деремся на пистолетах.

– Конечно. Но на каком расстоянии? Не бойтесь увеличить его: я попадаю в муху девять раз из десяти и с сорока шагов.

Слова эти были произнесены с хвастливостью забияки по натуре.

– Через платок, – отвечал Кенет, как бы не замечая хвастливого врага.

– Как вы сказали? – воскликнул Марк, думая, что не расслышал.

– Я сказал, что мы будем стреляться через платок и одним заряженным пистолетом.

– Не понимаю, – пробормотал Марк, – такого я еще не слыхивал.

– А между тем это так понятно. Берутся два пистолета, один из них заряжается пулей, другой холостым зарядом. Пистолеты накрываются чем-нибудь. Каждый из нас берет по пистолету и, став друг против друга, направляет дуло в грудь врага, потом...

– Человекоубийство!

– Обыкновенная дуэль. Пистолеты готовятся секундантами.

Марк делал бесполезные усилия, чтобы скрыть замешательство, вызванное заявлением противника, которое было произнесено так тихо и равнодушно.

Кенет продолжал все тем же размеренным, почти мелодичным тоном, не обнаруживая ни хвастливости, ни робости.

– Эта дуэль будет последней для одного из нас. Неужели вы думаете, что причина нашей вражды так важна, что только смерть одного из нас может ее устранить?

– Вы трусите? – спросил Марк, думая, что Кенет отступает.

Улыбка грустного презрения промелькнула на губах Айверсона.

– Я не трушу, но жизнь моего ближнего так же для меня дорога, как и моя собственная.

– Довольно, все эти сентиментальности просто смешны.

– Еще одно слово, – сказал Кенет, проводя рукой по лбу, как бы желая отстранить набежавшую тень грусти, – каждому из нас разрешается стрелять одновременно или ожидать выстрела противника.

– Это мне все равно, поторопитесь только, – сказал Марк, к которому, по мере того как ему казалось, будто мужество изменяет Айверсону, возвращалась прежняя наглость.

По знаку молодого человека подбежал Ник. На зов Марка его примеру последовал Крис.

Они получили приказания и отошли за дерево, чтобы зарядить пару пистолетов, между тем как противники снимали с себя верхнюю одежду.

Один из пистолетов был заряжен пулей, другой оставлен с холостым зарядом; Ник положил оба на траву и прикрыл по рукоятки своим плащом, потом отошел вместе с Крисом.

– Кто же будет выбирать? – спросил Марк с едва заметным беспокойством.

– О! Я не дорожу первенством и охотно предоставляю эту честь вам, – отвечал Кенет небрежно.

– Однако я не желал бы...

– Напрасно, берите какой хотите. Наша судьба в руках случая.

Оба подошли к плащу. Марк наклонился и судорожно выхватил пистолет. Кенет взял другой, говоря:

– Ник будет считать до трех, и как скажет «три» – стреляйте.

Морау не ответил. Он, кажется, дрожал. Легкая бледность разлилась по лицу Айверсона.

Они стали в позицию, лицом к лицу, вытянув руки, держа пистолеты на два вершка от груди.

Ник Уинфлз стал отсчитывать по условию. Голос его заметно дрожал.

В ту минуту, когда он досчитал до трех, раздался слабый выстрел.

Вздрогнул Кенет, отступил назад Марк.

Прошел миг мучительного молчания. Марк побледнел как смерть, вспыхнул румянец на щеках Кенета.

– Фортуна изменила вам, – сказал Кенет, – угодно ли вам сознаться в вашей несправедливости?

Марк не давал ответа, зубы его стучали, все тело сотрясала нервная дрожь.

– Угодно ли вам принести извинения? – настаивал Ай-версон, наводя пистолет.

– Мне просить прощения? Что еще выдумали! – сказал Марк, выдавливая насмешливую улыбку.

Его взор умолял Криса о помощи, но Ник Уинфлз не спускал с того глаз.

– Тогда готовьтесь к смерти.

Крупные капли пота выступили на лбу Морау. Последний час пробил для него, но в эту минуту, в эту страшную минуту, удар по руке заставил Кенета выронить пистолет, и в то же время мелодичный, хотя суровый голос произнес:

– Убийства не будет ни на деле, ни по согласию.

Молодой человек оглянулся с удивлением. Перед ним стояла Сильвина Вандер.

Пользуясь замешательством Кенета, Марк Морау поспешно уходил в сопровождении своих спутников.

Стоит ли говорить, что Айверсону и в голову не пришла мысль преследовать беглецов.

Глава V

Вертеп

Немного прошло дней после описанных событий. Степи Северной Америки быстро покрывались растительностью под животворными лучами майского солнца. Приближалась минута, когда отряд трапперов должен был выступить в поход в края, пригодные для охоты; во всем лагере царствовало веселье.

Кенет уже много раз старался поближе познакомиться с Сильвиной, но из кокетства или нежелания молодая красавица как будто не замечала его. Это задело молодого человека за живое, и вскоре ему пришлось сознаться себе, что он всей душой полюбил прелестного ребенка.

Однажды утром он по привычке выехал прогуляться по окрестностям. Замечтавшись, он очутился за несколько миль от лагеря, не обращая внимания, по какой дороге скачет его конь. К десяти часам он выехал на очаровательную лужайку, заросшую цветами, через которую протекал сверкающий ручей. Все в этом убежище приглашало к отдыху. Спрыгнув на землю, молодой человек привязал лошадь к дереву, растянулся на бархатной зеленой траве и немедленно заснул. Долго ли продолжался этот сон, трудно было ответить на этот вопрос, когда неожиданно раздался грубый, злобный смех, разбудивший его. Открыв глаза, Кенет увидел двух мужчин, схвативших под уздцы его лошадь. Голова его закружилась, и, как бесчисленные пылинки в солнечном луче, перед ним промелькнули воспоминания о плавании по реке Северн, привал на берегу, зловещие взгляды, отравленный кофе, страдания и видения, испытанные при замерзании, лишение чувств и оцепенение, потом возвращение к жизни от целебного средства приятеля Ника, все страдания, перенесенные им: он все припомнил и невольно содрогнулся, заметив дикую злобу, отражавшуюся на лицах Джона Бранда и Криса Кэрьера.

Все эти впечатления, столь внезапные и неуловимые, которые можно долго описывать даже и самыми короткими словами, просыпались в нем постепенно, но с быстротой молнии. Самообладание скоро вернулось к нему, Кенет поднялся и спокойно шагнул вперед. Но Джон Бранд поднял пистолет и, целясь в него, приказал:

– Ни с места! Мы сейчас потолкуем с вами.

Несмотря на опасения, внушаемые ему злодеями, в руках которых была его жизнь, Айверсон улыбнулся и сказал почти весело:

– По чести, господа спутники, вот уж никак я не ожидал вновь наслаждаться вашим обществом. Шутка была восхитительной. Друг Джон, спрячьте ваше оружие, и постараемся мирно уладить дело.

– А вот мы скоро уладим все! – сказал Кэрьер, пожимая плечами.

– Ведь я до сих пор в толк не возьму то дело на реке Северн, – продолжал Кенет, решившись по возможности взять верх хитростью, – как это вам пришло в голову бросить товарища в снег? Право, для меня это тайна. Мне смутно припоминается, как будто на нас напали индейцы, меня ошеломили ударом по голове, а вы спаслись бегством в лодке, где вас и взяли в плен... точно не помню.

Крис и Джон переглянулись.

– Потолкуем позже, когда нечего будет делать, – возразил Крис и, обращаясь к Джону, сказал: – Держи его на мушке, пока я свяжу ему руки.

– Негодяи! – воскликнул Кенет. – Неужели вы думаете, что я позволю себя вязать, как барана?

Джон приложил дуло ко лбу Кенета.

– Руки назад! – закричал ему Кэрьер.

Айверсон чувствовал сильное желание возмутиться против такого распоряжения, но в эту минуту повиновение было спасительнее сопротивления. Преодолев гнев, он позволил себя связать.

– Джон, подай лошадь! – приказал Кэрьер.

– Это еще зачем? – спросил Кенет.

– Мы желаем, чтобы вы сели на своего коня и ехали с нами, а если что не по-нашему, мы убьем вас, как белого медведя или краснокожего. Все понятно?

Бранд скоро справился с лошадью и подсадил на нее Кенета, потом с помощью Криса стянул ему ноги ремнем, пропущенным под брюхо лошади.

– Могу поручиться, что теперь вы не упадете! – заметил Кэрьер насмешливо и, схватив лошадь за узду, потащил ее вперед; Джон, вооруженный карабином, следовал за ним.

Такое положение отнимало у молодого человека всякую надежду на спасение. Он корил себя за рассеянность и погрузился в горькие размышления. Солнце мало-помалу склонялось к западу. Вскоре сумерки повисли над обширными пустынями, тени сгустились, пока, наконец, все предметы не слились в темной дали.

Кенет ехал в терпеливом молчании. Тишина ночи прерывалась только криками хищных птиц или рычанием диких зверей.

Между тем дорога становилась труднее; она проходила по песчаным и гористым ущельям, между высокими утесами, изредка попадались небольшие рощи чахлых кустарников.

Айверсон не прерывал своих размышлений до той минуты, пока ему в лицо не подул свежий ветер. Подняв голову, он увидел перед собой пространство воды, которое показалось ему озером. В ту же минуту Кэрьер остановился, развязал пленника и грубо приказал ему слезать с лошади. Кенет машинально повиновался. Крис повел его по узкой, крутой тропинке, извивавшейся меж высоких скал и приведшей их к берегу. По другую сторону этих скал находилось роскошное пастбище, куда он и пустил лошадь, расседлав ее. Из густого кустарника Кэрьер вытащил байдару, спустил ее на воду, потом приказал Кенету садиться посередине, сам же с Брандом поместился по краям, и, дружно работая веслами, они пересекли озеро. Впереди высилась колоссальная преграда, гранитный массив больше сотни футов в высоту.

Челнок причалил в бухточке, приютившейся под утесами, словно гнездо ласточки. С удивлением и вместе с тем с содроганием Кенет обозревал мрачный пейзаж, обрисовывавшийся в тени. Над головой – черный угловатый камень, под ногами – неведомое озеро, безмолвное как могила, как будто нарочно вырытое в самом центре гор, чтобы принимать и навеки скрывать страшные тайны. Кто бы мог, находясь в таких обстоятельствах, удержаться от невольного проявления ужаса? Конечно, Айверсон был храбр: свое мужество он доказал уже во многих случаях, однако и его бросало в дрожь при взгляде на эту унылую картину.

– Наклонитесь и следуйте за мной, – сказал ему Крис, – а ты, Джон, позаботься о хлебе.

Крис наклонился и провалился, как показалось Айверсону, в недра скалы. Кенет еще раз взглянул на ровную поверхность озера, глубоко вздохнул и последовал за Крисом. Проход, по которому они шли, был так низок, что пришлось согнуться почти вдвое, чтобы продвигаться по нему.

Через несколько минут такого трудного путешествия Кэрьер сказал:

– Теперь можете выпрямиться.

Кенет заметил, что его проводник шарит рукой в темноте. Сухой стук, сопровождаемый градом искр, объяснил ему, что Кэрьер высекает огонь. Вскоре при свете лампы, зажженной Крисом, он увидел, что они находятся в пещере с высоким сводом, с множеством свисавших сталактитов самых фантастических форм.

– Это еще не конец нашего путешествия, – заметил Кэрьер, – еще немного потерпите, ненаглядный красавец, и мы вам покажем такие диковинки, какие мало кто видел на свете. Так

смотрите же, когда вернетесь к нашим друзьям, не разглашайте, пожалуйста, наших тайн! – закончил он со зловещим смехом.

Джон Бранд одобрил шутку своего приятеля, не совсем в лад поддакивая ему.

– Здесь у нас очаровательное местечко для любителей помечтать, – сказал он, – и потому смеем надеяться, что вы не скоро расстанетесь с нами.

После этого Кэрьер повторил Кенету приказание следовать за ним, и, после многочисленных поворотов направо и налево, они вступили в другую пещеру, более просторную, выше и суше, чем первая. Две лампы, висевшие под сводом, освещали внутреннее пространство.

Негритянка, на вид уже пережившая бурный возраст, была единственной обитательницей подземного зала. Взглянув на нее, Кенет припомнил Жиль Блаза⁵ и его чудесные приключения на земле и под землей. Вероятно, эта особа имела редкие способности для приращения жира, потому что в ней воплотился поразительный образец того, что человеческая индустрия может произвести в этой особого рода промышленности. Губы ее красноречиво свидетельствовали об африканском происхождении, нос был расплюсчен, волосы – что курчавая шерсть, лоб низкий до невозможности, щеки раздуты и отвисли невероятным образом, кожа черная и словно лакированная. Едва увидев Кенета, этот милый образец человеческого рода захлопал руками по своим объемистым бокам и разразился смехом, таким громким и задушевным, что все его тела заколыхались, как студень.

Кенет, не усматривая ничего забавного, не принял участия в этом веселье, но с большим любопытством стал осматривать разные предметы, находившиеся в подземелье. В одном углу была свалена куча бизоньих кож, в другом – звериные меха; тут огромная часть дичи, там громада копченой рыбы; на стенах висели олени рога, лапы пантеры, а также ружья и карабины со всеми принадлежностями. На выступающей части камня, как на столе, помещались пистолеты в разнообразных оправах и разных заводов. Самодельный стол на трех ножках стоял посередине.

– Довольно, Агарь, теперь не до шуток. Дай-ка нам поесть. Сегодня у нас волчий аппетит.

Негритянка вышла, тяжело ступая, и через несколько минут вернулась, неся холодное мясо и бутылку виски. Кенету развязали руки и разрешили поесть, если на то у него имеется охота. Но у него не было желания, и потому он отказался под предлогом усталости. После чего, бросившись на шкуру бизона, он притворился спящим.

– А наш молодец на все легко смотрит, – сказал Джон, – будь я на его месте, я не захрапел бы так спокойно.

– А ты не очень-то доверяйся его внешнему виду, – возразил Кэрьер, – ведь лисица тоже умеет притворяться. Но такого старого воробья из Техаса, как я, на мякине не проведешь. Кто потолкался между людьми, тот поневоле станет недоверчив. Хотя наш молодец, по-видимому, и спит, однако поверхность-то есть, а дна не видать. Так и знай!

Джон наклонился к товарищу и тихо шепнул ему на ухо, но слова его отчетливо долетели до Кенета:

– Что капитан с ним теперь сделает?

– А ничего хорошего, будь уверен. Мы не должны спускать с него глаз до нового приказа. Но, сказать по совести, будь на то моя воля, так я бы его, недолго думая, – тут он мельком взглянул на Кенета и провел пальцем по горлу, – для нас было бы вернее отделаться от него после того случая, когда мы взялись доставить его из Йоркской фактории в Норуэй-Гоуз, и вернее и удобнее именно здесь, а не в другом месте!

⁵ Герой авантюрно-приключенческого романа «История Жилия Блаза из Сантьяны» французского писателя Алена Рене Лесажа (1668–1747).

– Ага! Видно, он двуличный, а не то несдобровать бы ему после того, как мы его отобрали на реке Северн. Впрочем, нам-то что? Он собственность капитана, который с ним что захочет, то и сделает.

Так они разговаривали между собой, потом разговор их стал плохо понятен, видимо, от того, что они то и дело прикладывались к бутылке. Наконец у Джона совсем перестал ворочаться язык, и голова его склонилась на стол. Крис попробовал было заигрывать с негритянкой, посмеивающейся в уголке так, что дрожала вся ее объемистая туша. Но от водки и его конечности отяжелели; как прикованный сидел он на стуле до тех пор, пока сон совсем не одолел его.

Прежде чем они погрузились в бессознательное оцепенение, Агарь, приготовив шкуры бизона и одеяла у входа, отвела их и уложила обоих на эту импровизированную постель. Джон был мертвецки пьян, но Кэрьер, несмотря на одурь, все время твердил негритянке с самым угрожающим видом, чтобы она глаз не спускала с пленника.

Глава VI

Ужасное затруднение

Дух человеческий редко поддается неприятным обстоятельствам без борьбы. Обычно он сопротивляется насилию, в каком бы виде оно ни представлялось, и, лишенный того, что принадлежит ему по праву, вызывает на помощь все силы, чтобы возратить себе права.

Такой мужественный человек, как Кенет Айверсон, не мог безропотно покориться насилию. И в голове его проносились различные способы освобождения, с учетом состояния своих спутников. Частота, с которой они прикладывались к бутылке, вселяла в него надежды, хотя он и опасался, что этим здоровякам, пожалуй, нипочем вылакать такое количество виски. На счастье, руки его были развязаны и неподалеку висел старый шотландский палаш. Только бы добраться до него, там уже Кенет сумеет им распорядиться.хлопоты негритянки о том, как бы уложить пьяных поперек единственного выхода из подземелья, не очень устраивали его, но, умея выжидать и в минуты несчастья, он молчал.

Уложив приятелей, Агарь подтолкнула свой чурбан ближе к Айверсону и села, положив локти на колени и подбородок на ладони. Сейчас она удивительно была похожа на громадную жабу, приютившуюся на камне.

Кенет внимательно наблюдал за ней и только тут вспомнил, что в его охотничьем плаще находится фляжка с виски. С показной беззаботностью спящего он перевернулся на другой бок, ловко вытащил фляжку из кармана и как будто случайно подкатил ее прямо к ногам негритянки. Едва завидев знакомую вещь, она с жадностью подхватила ее, поднесла к свету и, вынув пробку, понюхала с явным, хотя опасливым наслаждением. Расширились и задрожали ее ноздри, на черном лице загорелось выражение восторга. Увидев, пощупать и отведать – такова сущность натуры мужчины, да и женщины тоже. Агарь следовала по проторенной дорожке. Она поцеловала черное горлышко бутылки, нежно прижимая его к своим губам со сладострастием любовницы, и принялась медленно глотать лакомое зелье.

Можно представить, как радовался Кенет успеху своей уловки. Предавшись излюбленному удовольствию, Агарь нашла его таким упоительным, что у нее не доставало сил вовремя остановиться. И закончила она только тогда, когда вытянула всю влагу до дна. Видно было, что она утопала в блаженстве, улыбалась, посмеивалась, сама себе говорила приятные речи, словом, выкидывала разнообразные штуки одна другой забавнее. Наконец, ее огромная курчавая голова плавно закачалась над богатырскими плечами, тела поддались бессознательному движению, и она тяжело свалилась со своего места. Агарь опьянела до бесчувствия.

Кенет, приподнявшись, оглядел своих стражей; все звучно храпели. Одна лампа погасла, другая коптила и бросала мерцающий свет. Наш герой потихоньку встал, отыскал свой карабин и пистолеты, брошенные на столе. Вооружившись как следует, он как можно осторожнее подкрался к спавшим спутникам, вначале намереваясь прикончить обоих. Но Кенет был великодушен по характеру, так что рука его не поднималась на беззащитного врага.

– Ведь это преступление! – прошептал он.

Не теряя ни минуты, он схватил в руку лампу, перескочил через тела спавших и вышел незамеченным из пещеры. Скоро он был на берегу. Лодка все еще была причалена к скале. Он вскочил в нее, чтобы скорее достигнуть открытой поверхности, но вдруг заметил, что весла убраны. Вероятно, Джон спрятал их куда-нибудь. Наш искатель приключений стал искать какой-нибудь обломок дерева, каким можно было бы заменить весло. Но поиски его оказались напрасными. Ему оставалось только карабкаться на скалы. Трудное было это предприятие, однако он решился и на эту попытку. Перекинув на спину карабин, Кенет уперся ногами в расщелины скалы, почти отвесной в этом месте, и после невероятных усилий, с помощью рук и

колен, он достиг наконец маленькой площадки среди утесов. Он уже радовался своей удаче, как вдруг огромный осколок скалы оторвался от основания и со страшным шумом рухнул в озеро.

Кенет понял, что гибель неизбежна, если он останется в том же положении. С удвоенной отвагой он принялся взбираться выше, но тут заметил Джона и Криса, которые, выйдя из пещеры, по колени вошли в воду и внимательно осматривали темную гору. Кенет остановился, спрятавшись за выступ скалы. Он был на расстоянии шестидесяти футов от своих врагов. Кэрьер первый заметил его, хотя глаза его были еще затуманены недавними возлияниями.

– Вот он! Видишь? – спросил он у Джона. – Вишь как прирос к скале, словно гусеница к древесной коре. Не беда! Вот я сейчас покажу ему, как у нас в Техасе спускают белок с высоты.

Эти слова явственно долетели до слуха Кенета. Но Джон, не успевший протрезветь, вырастил сомнение, которое несколько успокоило молодого человека.

– Полно тебе! – увещевал канадец. – Это просто какой-то пень, у тебя в глазах рябит.

– А вот сейчас увидим, – возразил Кэрьер, – спускайся вниз, молодец, или я угощу тебя по-своему.

Кенет не пошевелился. Он действительно походил на пень или на черную расселину скалы; но глаза Криса было трудно обмануть. Он прицелился в Айверсона. К счастью, небо было сумрачно, и руки Кэрьера дрожали. Хотя предметы были в тумане, однако Кенет уловил это движение. Можно себе представить, какие ощущения переполняли его! Раздался выстрел, пуля ударила в скалу, осыпав Айверсона осколками, но не задев. Кэрьер, ожидавший увидеть его немедленное падение, повернулся к товарищу, выражая проклятием свое разочарование.

– Провались он сквозь землю! Я промахнулся. Дай-ка, Джон, свой карабин.

– Ну уж этому не бывать, – ответил тот, – ты слишком пьян, чтобы стрелять. Если там есть кто-нибудь, так я и сам сумею убедиться в этом.

– Ты-то? Да ты и скалы не видишь, не то что человека, – сказал Кэрьер с презрением и удалился к отверстию пещеры, где начал снова заряжать ружье.

«Глупо будет оставаться здесь и ждать, пока тебя убьют, как медведя на дереве», – подумал Кенет и снова принялся карабкаться вверх. Но в эту минуту пуля, вылетевшая из карабина Джона, задела его щеку. Такое предостережение нельзя было оставить без внимания. С удвоенной энергией он стал взбираться на вершину.

– Вишь как заторопился, окаянный! – закричал Джон. – Поспешай же, Кэрьер!

В это время Кэрьер зарядил свой карабин и, подбегая к товарищу, закричал:

– Так что же это такое? Пень, да? Сам ты глупый пень! – Потом, обратившись к Кенету, закричал: – Будьте рассудительны и спуститесь к нам. Ведь после падения с такой высоты вас не узнают даже самые близкие друзья и ни один искуснейший судебный пристав будет не в силах установить вашу личность.

Вместо ответа Кенет столкнул обломок скалы, и, испугавшись, что он заденет их, оба негодя скрылись в подземелье. Но как только обломок упал вниз, Кэрьер показался снова.

– Слушайте, я застрелю вас! – заорал он.

За это время Кенет успел добраться до углубления в скале, перед которым возвышался огромный камень, сорвавшийся, вероятно, с ближайшей вершины. Он спрятался за ним, пригибаясь к земле, насколько это было возможно.

– Мерзавец! – проворчал он. – Если мне суждено умереть от твоего выстрела, ты не будешь по крайней мере радоваться моей смерти.

Кэрьер искал место, откуда было бы удобнее стрелять. Потом, сомневаясь в твердости руки, он оперся на скалу и ожидал, когда луч света покажет ему часть тела Кенета, оставшуюся незащищенной.

Сердце Айверсона учащенно билось, и, конечно, положение его было самое что ни на есть критическое. Он старался припомнить многочисленные случаи, попадая в которые он пре-

зирал смерть, и укрепить себя воспоминаниями о прошлых опасностях. Но ничто, даже его последняя дуэль, не казалось ему таким тяжким, как теперешняя тягостная неизвестность.

Вдруг зоркие глаза Кэрьера что-то уловили во тьме: он переменял положение, голова его склонилась к стволу карабина. Прошла минута гнетущей для Кенета тишины – и раздался выстрел.

– Ну, на этот раз я попал в него! – крикнул Кэрьер.

– Нет еще! – возразил Кенет, приподнимаясь. – Ты снова промахнулся, гнусный убийца!

Тут он снял со спины карабин, но ему было так трудно сохранять равновесие, что ружье не могло послужить ему с толком. Глаза его с беспокойством искали внизу и вверх более безопасного места. Но, о горе! Не представлялось никакой возможности ни подняться вверх, ни вернуться назад. Он готов был предаться отчаянию. Но само отчаяние показало выход.

«Попробую-ка, – подумал он, – сдвинуть с места эту каменную глыбу. Если повезет, она рухнет в озеро и оставит мне достаточное углубление, чтобы спрятаться от выстрелов». И он уперся плечом в глыбу, она шелохнулась, зашаталась и с грохотом скатилась в воду. Обрадованный счастливым исходом и надеждой, Кенет вжался в углубление, в котором на протяжении многих веков покоился сверженный им камень. Укрывшись в углублении, как лисица в своей норе, Кенет мог на минуту вздохнуть свободнее, в уверенности, что тут его не достанут карабины врагов. Потом, рассудив, что всякая попытка спуститься вниз для него невозможна, пока живы Крис и Джон, он решился наконец воспользоваться своим карабином. Он уже прицелился, но отблеск ствола предупредил Кэрьера, который вместе с товарищем поспешил укрыться в пещере.

Напрасно Айверсон подстерегал их до утренней зари: больше они не показывались.

Взошло солнце, и наш герой стал осматривать свою позицию: более скверного положения нельзя было себе представить. Никаких путей к спасению ни сверху, ни снизу. Отступление отрезано со всех сторон. Ему оставалось или умереть от голода, или броситься в озеро. Мысль о самоубийстве на один миг мелькнула в его голове, но он поторопился отбросить ее, чтобы не поддаться искушению. Привязав платок к шомполу своего карабина, он воткнул шомпол в щель над своей гранитной гробницей в надежде привлечь внимание каких-нибудь трапперов.

Медленно тянулся день; голод и жажда мучили несчастного молодого человека. Решившись сделать все от него зависящее, чтобы выбраться из этой ловушки, он несколько раз заряжал свой карабин и стрелял в воздух через равные промежутки времени. Около пяти часов вечера, утомленный физическими и нравственными страданиями, Кенет прилег на камень, еще раз спрашивая себя, не лучше ли разом покончить со всем этим, чем умереть после медленной и жестокой пытки. Он окунулся в бездну мрачных размышлений, когда до слуха его донесся собачий лай. В первую минуту Кенет испугался, опасаясь галлюцинаций. Он сел и внимательно прислушался. Лай не прекращался. Задыхаясь и дрожа от волнения, молодой человек выстрелил из карабина и из обоих пистолетов. Лай собаки доносился с горной вершины все громче и громче. Человеческий голос, окликавший собаку, отвечал на этот лай.

– Помогите! Помогите! – закричал Кенет.

Ответа не было.

– Помогите! Помогите! – взывал он, надрываясь.

А собака все не переставала лаять. Сидя на задних лапах на самом краю утеса, она, казалось, не внимала призыву своего хозяина.

– О, верный друг человека, не покидай меня! – крикнул ей Кенет, подвигаясь на самый край выступа, чтобы увидеть четвероногого друга.

Наклонившись всем телом налево, он увидел наконец поджарого волкодава с длинной рыжей шерстью, и – какая радость! – в этой собаке он узнал верного спутника и друга Ника Уинфлза! Его сердце так сильно забилося, что он вынужден был схватиться за выступ утеса, чтобы не упасть. Тяжело было ему думать, что Ник Уинфлз так близко и ничего не ведает о

его жестоком положении. Он не смел ни предаваться своим чувствам, ни смотреть на собаку. Через несколько минут, несколько оправившись от своих ощущений, он вернулся в углубление и с лихорадочной торопливостью возобновил выстрелы.

– Вот ты где! Кого ты подстерегаешь? – проговорил слишком знакомый голос.

Собака жалобно завывала, словно сообщая хозяину, что присутствие его необходимо.

Кенет истощил все свои боевые запасы.

– Да что же тут такое? Ну-ка, подъедем, дружище, да посмотрим, что там случилось.

Надежда сверкнула в душе Кенета. И с какой невыразимой радостью он услышал топот лошади своего друга!

– Но что же тут случилось? Напасть, ты уж не взбесилась ли? – спрашивал Ник, обращаясь к собаке.

В ответ на эти замечания Напасть скребла лапами, вытягивала голову над утесом, не переставая лаять.

– Напасть! Напасть! Я всегда считал тебя разумным и толковым животным, но сейчас, хоть клади голову на плаху, ты, кажется, лишилась здравого смысла! Ради самого неба отвечай, что ты там видишь?

Кенет едва слышным голосом окликнул Ника. Напасть замахала хвостом и торжествующе запрыгала около своего хозяина.

– Как будто человеческий голос мне послышался? Что бы это значило? Гм! Тут кто-то попал в небольшую переделку.

Едва слышный голос раздавался снизу.

– Плутиска Напасть тут больше понимает, чем я, – сказал Ник, – гром и молния! Тут что-то неладно.

С этими словами Уинфлз слез с лошади, лег, вытянувшись на скале, и зорко всмотрелся в скат утеса.

– Эй! Кто там? Что случилось?

– Это я, Айверсон, – отвечал молодой человек, собираясь с последними силами, чтобы говорить громче.

– Бобры и выдры! – воскликнул Ник. – Но как вас угораздило попасть в такое неудобное место?

– Все расскажу, дружище, только вытащите скорее.

– Вытащите! Вытащите! Да ведь это легко сказать, но мудрено сделать. Ну да, ей-богу, так, а я ваш покорнейший слуга. Кто может выпутаться из такой трудной задачи? Скала такая крутая, что и думать не могли преодолеть ее, – отвечал Ник с жаром.

– Ваша ловкость и знание...

– Мое знание? Мило, нечего сказать! Моему знанию остается только произнести над вами благословение и убраться прочь. Если вам есть, что завещать вашим друзьям, охотно берусь исполнить. Однако не попробовать ли и мне спуститься, чтобы посмотреть, на что похожа эта штука снизу – только бы была возможность взяться за дело.

– Ах! Я чувствую себя так хорошо, как будто совсем уже выбрался отсюда! – возразил Кенет радостно.

– В таком случае вы смотрите с большей уверенностью, чем я, на такое безнадежное дело. Пускай меня повесят, если я видел когда-нибудь человека в более гнусных и затруднительных обстоятельствах. Ну-ка, Напасть, проводи меня к озеру так, чтобы не свернуть себе шею.

– Одну минуту, – сказал Кенет, – примите во внимание, что Крис Кэрьер и Джон Бранд могут оказаться там.

– Ого! Так они и здесь руку приложили? Хорошо, голубчики, мы еще посчитаемся.

С этими словами он удалился. Звук его шагов, сначала явственный, стал затихать в отдалении. Но время от времени Кенет все еще слышал его голос, когда Уинфлз обращался с дружескими словами к своей собаке.

Глава VII

Авраам Гэммет

Через три четверти часа, показавшиеся Кенету тремя веками, Ник появился у подошвы утеса. Он осмотрел местность и принялся за дело. Подъем был преисполнен препятствий и опасностей. Но, цепляясь за неровности камней и то выбирая их вместо ступенек, то выбивая своим топором местечко для ноги, он так усердно трудился, что менее чем через два часа времени добрался до Кенета и помог ему спуститься с высокого насеста. Спустившись, молодой человек стал искать взглядом лодку – она исчезла. Вероятно, Джон и Крис уплыли на ней ночью.

Между друзьями возник небольшой спор насчет того, заглянуть ли им в пещеру или нет. Но эта мысль была так противна правилам здравого смысла, что в ту же минуту была оставлена.

– Идите за мной, – сказал Ник, – и я покажу вам лучшую дорогу, чтобы выйти на свет божий. Напасть провела меня не хуже любого проводника, правда, по адской дороге, которую мне самому нипочем бы не найти. Гм! Путь сообщения не из самых удобных. Однако, молодой друг, советую вам пропустить глоток, а то вы похожи на привидение. Правду сказать, прескверная местность была вами выбрана для походного лагеря.

Кенет проглотил немного вина из фляжки, поданной ему Ником.

– Но клянусь честью, – продолжал Ник, – мой дед во время своего последнего кругосветного путешествия попал в еще худшее положение. Видите ли, он всегда путешествовал не иначе, как в карете, запряженной только одной лошадью, и карета была у него всегда хрустальная, потому что он хотел видеть все, что только можно было видеть. Как-то захотелось ему взобраться на гору Везувий только для того, чтобы разогнать немного скуку и размять свою лошадь, которая давненько застоялась в конюшне.

– Вот новый способ восхождения на Везувий! – заметил Кенет, улыбаясь.

– Какое простодушное невежество! Помилуйте, этот способ был весьма употребителен во времена моего деда. Итак, я говорил вам, что он отправился покататься по Везувию. Так как было воскресенье, то огнедышащее заведение было в полном затишье. Но когда дядя обогнул кратер...

– Дед, – поправил его Кенет.

– Я так и сказал: дед. Когда дед обогнул кратер, одно колесо переехало за край, и паф! Дядя вывалился в дыру, однако, к счастью для человечества, он оставил свои записки, коллекции и редкости в карете, которая снова обрела равновесие, как только дед вывалился. И вот мой дядя, вывалившись, очутился более чем на ста футах глубины, если его расчеты были верны.

– Предполагаю, что он довольно сильно расшибся, – сказал Кенет.

– Он-то? Ничего подобного! Даже ничуть не ушибся, – отвечал Ник с невозмутимым хладнокровием, – он упал на мягкую подстилку из теплой золы и впоследствии уверял меня, что никогда еще не испытывал более приятного ощущения, хотя вокруг него и поднималось нечто вроде облака пыли, что и воспрепятствовало деду написать подробный отчет о внутренних Везувия. Согласитесь, это было бы довольно скучно. Дед пытался было осмотреть, что там за дно такое, но не тут-то было! Такая пустота, ну, такая пустота, что хоть два дня смотри, а все же не увидишь дна! Дед мой того мнения, что там обитали морские разбойники. Впрочем, он никак не мог объяснить своим любопытным друзьям, как это пираты могли туда входить и какой у них был выход оттуда.

– Как же он сам оттуда вышел?

– А с первым случившимся после того извержением, – ответил Ник невозмутимо, – оно вдруг вынесло его из ямы на свет божий, и, по странному стечению обстоятельств, он упал прямо на подушки своей кареты.

Во время этого блестящего рассказа Ник прокладывал себе дорогу по берегу озера, часто вынужденный стоять по пояс в воде, иногда повисать на вершинах скал, крепко ухватившись за них руками и ногами, чтобы как-нибудь удержаться и помочь Кенету добраться до него. Напасть выполняла свои обязанности, как самый искусный проводник. Благодаря чутью собаки, люди целыми и невредимыми достигли, хотя и не без труда, площадки, на которой Ник оставил свою лошадь.

– Я уже дважды обязан вам жизнью! – воскликнул Кенет, бросаясь в изнеможении на землю.

– Ерунда, как есть ерунда! Я обычно не обращаю ни малейшего внимания на такие пустячные затруднительные обстоятельства. Забудьте об этом. В семье Уинфлзов и не такое видали. Вот и мать моя бывала постоянно в затруднительных обстоятельствах. Ведь у нее был двадцать один ребенок, из которых все переболели корью, еще когда не умели ходить. Все мои тетки и сестры перебивали в затруднительных обстоятельствах, то в таких, то в сяких – особенно же в таких.

Ник ласково посмотрел на Огневика и Напасть. Видно было, что никакие «затруднительные обстоятельства» не могли потрясти славную натуру этого человека или причинить ему хотя бы на пять минут искреннее огорчение.

– Это благородное животное заслуживает лучшего прозвища, чем то, которое вы ему дали, – сказал Кенет, протягивая руку к собаке с намерением погладить ее косматую голову.

Напасть зарычала и отступила с видом оскорбленного достоинства. Величаво отступая за своего хозяина, она посмотрела на Кенета с выражением, которое, без ущерба собачьему языку, можно было бы перевести так: «Я выведу вас из затруднения, если вы сами не сумеете этого сделать, но не будьте так самонадеянны, чтобы рассчитывать на мою дружбу».

– Прошу вас, извините ее, – заступился Ник, – ведь она у меня нелюдимая. В детстве она была ожесточена большими собаками, у которых была дурная привычка воевать с более слабыми созданиями.

– Отличная собака, хотя и не без странностей. Если бы была возможность, я очень хотел бы ее иметь, – сказал Кенет.

Напасть подняла морду к Нику, как будто желая разгадать, что он думает о таком предложении.

– Вы можете хотеть ее сколько угодно, – отвечал Уинфлз, – но она-то никогда не пожелает подчиниться вам. Никто, кроме меня, не придется ей по нраву. Ей нравятся мои привычки, не правда ли, Напасть?

В ответ на это Напасть издала ворчание, таким способом одоблив слова Ника, который продолжал:

– Она знает две-три замечательные штуки. Когда-нибудь в другой раз, в свободное время, она покажет вам свои фокусы. Ведь она все понимает, что говорят, точно так же, как и мы с вами. Скажите ей, что вы ее должник, вот и все, чего она требует за свои услуги, ну да еще не откажется и от хорошего куска мяса.

В эту минуту Напасть вскочила на ноги и наострила уши.

– Она учуяла кого-то, уж это точно! – сказал Ник.

Настала ночь, но не совсем темная, так что можно было различать предметы на порядочном расстоянии. Кенет посмотрел по направлению взгляда собаки и увидел в двухстах шагах всадника, продвигавшегося по вершине горы.

– Он не индеец, – сказал Уинфлз, – это видно по его внешности и лошади. Кто бы это мог быть?

Всадник приблизился шагов на сто к нашим приятелям, прежде чем заметил их присутствие. Тут он умерил шаг своей лошади, внимательно оглядел Ника и Кенета и двинулся прямо на них.

– Как живется-может, незнакомец? – спросил Ник.

– Как нельзя лучше, – ответил всадник, – надеюсь, что и вам, друзья, не худо?

– Квакер!⁶ Ей-богу, так, клянусь! – воскликнул Ник.

– Не клянись, – холодно сказал незнакомец.

– Бог да простит ваше неведение! Я никогда не клянусь. Это против моих правил. Ну да, гром и молния! Право слово, так. Но у меня был двоюродный брат, который, бывало, так клялся, что страшно было слушать. Ну да, ей-богу, так! Но это ничего не значит, а вот если у вас нет другого дела, то сойдите с лошади и присоединитесь к нам. Надо поесть да и устроиться на ночлег.

– От такого дружелюбного предложения трудно отказаться, и я принимаю твое гостеприимство, – сказал квакер, сходя с лошади.

– Что касается гостеприимства, так извините, если оно будет под открытым небом, – сказал Ник, – свод небесный будет служить нам кровом.

– Он довольно высок и весьма красив, – отвечал незнакомец, – но найдется ли здесь корм для моего коня?

– А вот сами взгляните туда: Огневик пользуется царским угощением.

Квакер взглянул на Уинфлза вопросительно.

– Огневик – это моя лошадь, – поспешил тот ответить.

– Друг-зверолов, если ты ничего против не имеешь, то я пушу свою лошадь к твоей.

– Что касается местности, она принадлежит вам настолько же, насколько и мне, оставьте же вашу лошадь пастись вместе с моей, но отбросьте это «ты», потому что, по правде сказать, мне не нравится твоя манера говорить.

– Так же, как твоя не нравится мне, – ответил незнакомец равнодушно.

– Вот мы и квиты. Но что это висит у вас на ремне?

– А это кусок дичи для поддержания сил внешней оболочки, – отвечал квакер с гнусавым произношением.

– Вот и прекрасно! Сейчас я разведу огонь, и мы устроим отличное пиршество из общей беседы, вашей дичи и нашей сушеной говядины и виски.

Незнакомец расседлал лошадь и отправил ее на пастбище по соседству с Огневиком. Усевшись около Кенета, он с видимым интересом присматривался к приготовлениям Ника, тогда как Напасть осматривала его подозрительным взглядом. Ник заметил враждебные взгляды, бросаемые собакой на нового знакомого, и поспешил успокоить его опасения.

– Не бойтесь этого зверя, – сказал он, – он не тронет вас, пока вы сидите смирно, но если вам вздумается пошевелиться, то не ручаюсь, что он хоть раз-другой не покажет вам силу своих зубов. Впрочем, моя Напасть – невиннейшее создание в мире.

– Как зовут тебя, друг? – спросил квакер.

– Ник Уинфлз, к вашим услугам, – отвечал охотник.

– Так я посоветую тебе, друг Ник, лучше воспитывать свою собаку, – заметил квакер внушительно.

– А ты, друг квакер, лучше скажи мне, как тебя зовут.

– Мое имя, Ник, такое имя, которого я не стыжусь. Это имя носили многие поколения с большой честью и выгодой для себя. Авраам – вот имя, о котором можно говорить с почетом

⁶ Квакеры (от *англ.* quaker, букв. трясун) – одна из разновидностей протестантизма, возникшая в XVII веке в Англии; широко распространена в США и Канаде. Квакеры отвергают церковную организацию, церковные таинства и обряды, роскошь, присягу, военную службу; признавая главные положения протестантизма, они верят в озарение внутренним светом, считая всех людей братьями; проповедуют пацифизм. Ко всем без исключения квакеры обращаются на «ты».

езде, где известна секта Друзей, хотя, надеюсь, – проговорил он немного в нос, – это не будет служить мне поводом для неблагоприятной гордости.

– И великий же вышел бы для меня соблазн, если бы так случилось, – возразил Ник, удачно подражая квакеру.

– Не придавай своему голосу насмешливого выражения, потому что насмешки нечестивца падают на его главу, как туман, поднимающийся к небу, ниспадет на землю в виде дождя.

Авраам Гэмет положил руки на живот, полужакрыл глаза, вытянул лицо и медленно, что было силы, вздохнул:

– О-о-ох-ох-х-хо!

Кенет посмотрел на квакера с улыбкой, тогда как Ник, покосившись на него с шутовским выражением лица, вторил ему в том же тоне: «О-о-ох-о-о-о!»

– На мой взгляд, милостивый государь, у вас в желудке, должно быть, сделались судороги. Не облегчит ли ваше состояние глоток согревающего средства? – предложил траппер.

– Ник Уинфлз, ты говоришь как человек, стремящийся за суетой мира сего. Знай же, что виски – предмет одинаково противный как моему небу, так и моим убеждениям! – возразил Гэмет сурово.

– Но когда бедное тленное существо ослабевает, как вы, например, тогда не остается лучшего средства, – настаивал Ник, сунув бутылку в руку квакера.

– Если ты так настойчиво предлагаешь, то мне остается только омочить свои губы этим нечестивым напитком, но предупреждаю тебя, не во мне ты найдешь существо, предающееся обжорству и плотским излишествами, как то бывает с другими.

Авраам Гэмет важно откинул голову так, что нос его устремился к зениту, и приложил горлышко бутылки ко рту; он держал ее в таком положении с таким величественным и благоговейным постоянством, что Ник не на шутку перепугался за ошибочное направление, по которому потек его напиток. Он перестал поворачивать вертел с жареной дичью и, опустившись перед незнакомцем на колени, разинул рот, растопырил руки и смотрел на него до тех пор, пока тот, осушив флягу до дна, не передал пустой сосуд ему в руки, говоря:

– Это действительно горько, как воды Мары⁷, и проглотил меня насквозь, как адский огонь. О-о-ох-ох-о-о!

Запах поджаренного мяса предупредил Ника, что жаркое упало в огонь.

Уперев руки в бока и глубоко вздыхая, Ник с минуту жалобно смотрел на пылавшую говядину, пустую флягу, на Кенета и Напасть и потом на Авраама Гэмета. Наконец он нагнулся, вытащил дичь из огня и сказал плачущим голосом:

– Добрым же здоровьем вы пользуетесь, милостивый государь! Заметно, что вы не страдаете расстройствами желудка.

– Что касается здоровья, я вытерпел адские мучения и было время, когда Сатана молотил меня, как пшеницу. Провидению угодно было сломить мою натуру, дать мне испить чашу горечи немощей, напоить меня водами скорби. Телесные мои силы утрачены, и только силой духа, в соединении с неутомимыми трудами плоти, мне удастся переносить усталость пути по земле Велиала⁸.

– О, какое же вы несчастное, истомленное существо!

– Поистине, исчез цвет моих сил. О-о-ох-о-о!

– Как это прискорбно! Вероятно, и аппетит у вас совсем пропал? – спросил Ник, подавая ему огромный кусок мяса на древесной коре вместо тарелки.

⁷ Мара – по-древнееврейски – горькая.

⁸ Велиал – по-древнееврейски – ничтожный, негодный. Это слово священными писателями прилагается ко всем развратным, нечестивым и злым людям, но в особенности к Сатане, как главному носителю всякого зла на земле.

– Ты изрекаешь истину, друг Ник. Я лишен радостей аппетита и наслаждений стола. Но невежливо было бы не воздать должного внимания твоему радушному гостеприимству. Долг велит мне поддерживать внешнюю оболочку, хотя дух мой и возмущается грубой вещественностью яств и напитков.

С этими словами Гэмет жадно принялся за дичь, скоро исчезнувшую под его длинными и острыми зубами.

– Боюсь, что она не совсем по вашему вкусу приготовлена, – сказал Ник насмешливо.

– Про твое поварское искусство нельзя сказать, что оно слишком хорошо, но и похулить нельзя. Если хочешь, то можешь подать мне и другой кусок жаркого. Да вот что еще, друг, отрежь его на волосок потолще того, который я съел.

Ник послушно отрезал кусок весом по крайней мере в два фунта, чуть-чуть поджарил его и подал полусырым Аврааму, подмигнув при этом Кенету. Второй кусок последовал за первым с необычайной быстротой.

– Незнакомец! – воскликнул Ник, не в силах более сдерживать своего удивления. – Вы должны бы полечиться, ей-богу, право слово так! Наверно, вы страдаете от жажды или каких-нибудь других осложнений. Не развилась ли в вас семья солитеров?

– Верно ты сказал, я и сам не раз задавал себе этот вопрос при различных обстоятельствах жизни и в разные времена года, – отвечал Гэмет с самым невинным видом.

– Я сам никогда не имел такой семьи, но моя тетка очень страдала от солитеров. Бедняга! Но они совсем иначе донимали ее, чем вас. У нее был волчий аппетит, за это я могу поручиться. В течение последних трех лет своей жизни она совсем не выходила из-за стола. Она разорила родовое имение Уинфлзов, буквально поглотив все их состояние. По документам было подсчитано, что она в год съедала столько, сколько было достаточно для содержания большого каравана во время следования по пустыням Сахары или военного корабля во время кругосветного плавания.

– Друг Ник, ты преувеличиваешь, а ложь есть величайшая гнусность.

– Ложь такая вещь, которая никогда не была вскормлена в роде Уинфлзов, – отвечал Ник с непоколебимой уверенностью. – Не было в этом роде ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, которые решились бы солгать даже ради спасения жизни. Дед мой умер на костре, потому что отказался солгать ради римского папы. Это случилось в те времена, когда инквизиция убивала верующих, уничтожала семьи и создавала целую бездну других проблем.

– Замечаю, что ты склоняешься под иго безверия. Если бы я мог остаться подольше в твоём обществе, то постарался бы исправить твоё легкомыслие и предотвратить искажение чувства истины.

Достопочтенный Авраам Гэмет положил руки на живот и испустил свое громкое, привычное:

– О-о-ох-ох-о-о!

У Ника выпала из рук импровизированная тарелка, и он повторил, словно звучное эхо:

– О-о-ох-ох-о-о! – так смешно передразнивая квакера, что Кенет разразился хохотом.

– Не делай посмешищем избранника Божьего, но подумай лучше о спасении своей души, идолопоклонник ты этакий!

Ник закурил свою трубку, а Гэмет затянул себе под нос квакерский гимн.

– Пожалуй, вы не прочь и соснуть чуть-чуть, – сказал Ник, когда квакер окончил свои упражнения, – хотя, право слово, спать здесь не совсем удобно.

– Я говорил тебе, что мало забочусь об удобствах и других суетных мелочах мира сего. Вполне удобно отдыхать, имея землю изголовьем и небо покровом, – отвечал квакер смиренно.

– А может быть, вы не найдете предосудительным воспользоваться частью моего одеяла? – продолжал Ник насмешливо, потому что никак не мог забыть уничтожения своего виски.

– Сказать по правде, я поощряю христианский дух и потому принимаю твое предложение, хотя, признаюсь откровенно, ты для меня нечестивец и идолопоклонник.

– О, пусть вас это не смущает! – возразил охотник, пожимая плечами. – Укладывайтесь, как вам удобнее.

– Истинно говорю тебе, друг Ник, я отдаюсь в твое распоряжение и в награду за твое великодушие буду молить Господа помиловать тебя, да простит он твои прегрешения!

С этими словами Авраам Гэмет тотчас закутался в одеяло, оставив охотнику только край, если у того будет охота прикрыться.

Ник молча посмотрел на своего нового приятеля и через минуту опять спросил:

– А может быть, вы сделаете одолжение и седло мое подложить себе под голову? Пожалуй, домовый вас будет дразнить, если вы так низко будете спать, а я этого страх как боюсь. Гром и молния! Мой брат так и умер от того, что забыл подложить себе седло под голову.

– Делай как знаешь, друг Ник, но я никогда не употребляю своего седла на такие дела, потому что оно новое, красивое и я боюсь запачкать его испарениями волос. Можешь, если есть охота, положить свое седло около меня, чтобы мне не беспокоиться о моем собственном, как бы оно не испортилось. О-о-ох-ох-о-о! Разведи-ка, друг Ник, хороший огонь да присмотри за моим конем. Ведь это такое благородное животное!

Ник с напускным усердием разложил седла, как желал того квакер, потом с шутовской важностью спросил, не желает ли тот еще чего-нибудь, после чего пожелал ему покойной ночи.

Кенет уже спал крепким сном.

Охотник, подбросив охапку хвороста на горящие головни, растянулся у костра выкурить трубку и, ворча себе под нос тысячи замечаний по поводу квакера Авраама, последовал, наконец, примеру своих спутников.

Глава VIII

В поход

Отряд трапперов-звероловов под предводительством Саула Вандера продвигался к цели своей экспедиции. Третий день пути подходил к концу. Лазутчики, посланные вперед, вернулись с известием, что многочисленный отряд индейцев следит за их движением с высоких вершин в полумиле от отряда. Охотники собрались на совещание, но, пока они толковали, на горизонте показались три всадника, скакавшие во весь опор.

– Если не ошибаюсь, – сказал Саул Вандер, – первый всадник – Ник Уинфлз на своем чудесном коне Огневики.

Слова эти были обращены к прелестной молодой девушке, стоявшей около него, читатель без труда узнает в ней Сильвину.

– Кто же едет рядом с Ником? – спросила красавица, немного покраснев.

– Малютка, твои глаза зорче моих, ты, вероятно, узнала Кенета Айверсона, не раз посещавшего нас.

– Сердце как камень, мужество нечеловеческое! – проворчал Волк.

– Но кто третий? – продолжала Сильвина. – Если бы мои глаза и были действительно так зорки, как вы говорите, то и тогда я не могла бы сказать, кто это. Он такой здоровенный, словно бизон, и выступает с особой торжественностью.

– Волк, оставайся по-прежнему телохранителем моей дочери, – сказал Саул Вандер, – а я поеду навстречу этим людям, чтоб разузнать, кто они и чего им надо.

Через несколько минут Саул подъехал к всадникам.

– Рад встретиться с вами, – закричал он, – и, какова бы ни была причина вашего приезда, будьте желанными гостями.

– Благодарю, – ответил Кенет, – позвольте представить вам нового знакомого, Авраама Гэмета, я уверен, что его общество доставит вам удовольствие. Друг Авраам, это Саул Вандер, предводитель охотничьей бригады.

– Друг Саул, ты носишь святое по Писанию имя, и надеюсь, что ты не из тех, кто наслаждается мерзостями Велиаловой земли.

– Я не лучше того, кем велит мне быть долг, понимаете? – отвечал Саул сухо.

– Что до этого, скажу вам откровенно, что мне не случалось еще встречать ни одного человека из падшего Адамова рода, который хотя бы на йоту превысил свой долг. Лучшие из нас оступаются, совершают ошибки, и нам приходится стойко бороться против искушений плоти и соблазнов внешнего мира.

Квакер, высказав такую важную мысль и следуя своему обыкновению, сложил руки на животе и испустил глубокое вздыхание:

– О-о-ох-ох-о-о!

– Ох! О-о-ох-ох-о-о! – вторил ему Ник.

Предводитель прикусил губы, чтобы не расхохотаться, и, повернувшись как можно скорее к Нику, сказал:

– Никак не ожидал вас встретить, понимаете ли!

– Да, понимаю, – отвечал Ник.

– У нас тревога. Индейцы припугнули.

– Надеюсь, мы не попадем в руки индейцев? – торопливо спросил Авраам Гэмет.

– Благословенная простота! Ведь мы каждый день готовы вступить с ними в рукопашную! – воскликнул Уинфлз.

– У кого хватает духу драться, пускай те и дерутся, но моя натура и душевные убеждения против кровопролития, – возразил Гэмет внушительно.

– В таком случае, – подхватил Ник, – вам лучше всего вернуться к ближайшему квакерскому храму, который находится, правда, не очень близко отсюда. – Затем, обращаясь к Вандеру, он спросил: – Что нового о краснокожих?

– Лазутчика посылали, понимаете?

– Нет, не понимаю, – отвечал Ник.

– Ну, лазутчика посылали разведать, безопасна ли дорога; вот он и вернулся с известием, что краснокожие на холме, вон в том лесу. Он хорошо разглядел их, но не может точно сказать, к какому племени они принадлежат. Понимаете?

– Теперь понимаю.

– Видите тот перелесок? Вот мы там и раскинем стан. Мне хочется расположиться в таком месте, которое защищено, понимаете ли.

– Нет, не понимаю. Эх! Вандер, не спрашивайте меня: понимаете ли, когда я не понимаю, – возразил Ник нетерпеливо.

– Поедем к нам, – сказал Вандер, – я вижу, что один из наших спешит ко мне. Видно, есть новости.

Кенет последовал за ним, надеясь, что какая-нибудь случайность отвлечет его мысли от Сильвины, потому что это сделалось для него тяжким и постоянным игом. Скоро он увидел Волка, едущего рядом с женщиной, которую он принял за индианку, принадлежащую к отряду. Решив посмотреть на нее поближе, он прищпорил лошадь. Подъехав к ней, молодой человек был поражен такой встречей, которую легче вообразить, чем описать. Он окаменел, уставившись на нее. Понятно, что он менее всего ожидал встречи с Сильвиной Вандер в этих краях. На этот раз она приняла его не так высокомерно и презрительно, как это было в последнее их свидание, но тем не менее в выражении ее лица не было ничего, что могло бы обнадежить Кенета. Кенет покраснел и не мог вымолвить ни слова. Сильвина не торопилась выводить его из замешательства, она даже наслаждалась этим в продолжение нескольких мгновений со всем самодовольством женщины, любящей проверить действие своей красоты. Но так как продолжительное молчание могло поставить и ее в затруднительное положение, то она прервала его и, слегка поклонившись, спросила:

– Вы, кажется, удивлены моим присутствием здесь?

– Если бы вы сказали, что я поражен такой встречей, то и тогда это не было бы преувеличением, – пробормотал Кенет. – Мое удивление достигло крайней степени.

– И вы имеете полное право удивляться, – улыбнулась девушка, – и когда вы достаточно насмотритесь, я попрошу вас взять немного левее, потому что ваша лошадь так прижимается к моему платью...

– Ах! Тысячу раз прошу прощения! Я не заметил своей неловкости. Боже мой! Ведь я думал, что вы остались в Селькирке⁹.

– Верю, что ваша учтивость доказывает вашу искренность, – холодно произнесла Сильвина.

– Не будет ли нескромностью спросить у вас, до каких пор вы намерены следовать за отрядом? – робко спросил Кенет.

– Никак не могу дать определенного ответа на ваш вопрос.

– Конечно, вы завтра же вернетесь в Селькирк? И как это вы решились заехать в такую глушь? Удивляюсь, что ваш отец, так близко знакомый со здешними опасностями, позволил вам сопровождать его. На каждом шагу здесь охотников подстерегают неожиданные нападения,

⁹ Селькирк – колония на берегу Красной реки, основанная в 1812 г. полковником Селькирком, имеющая десять тысяч жителей из англичан, канадцев и метисов, занимающихся охотой, рыбной ловлей и земледелием.

засады, кровавые сражения с краснокожими. И это не единственные враги, которых должны опасаться отряды Гудзоновой компании; непримиримая вражда существует между ними и людьми Северо-Западной компании. В одну ночь шайка звероловов-конкурентов может перерезать такой немногочисленный отряд, как ваш. Поверьте мне, – прибавил он с жаром, – удовольствие видеть вас омрачается печальным сознанием того, что вам угрожает опасность.

– Вот как! – сказала она. – Но если вы воображаете, что я легко поддаюсь страхам, о которых вы упоминаете, то позвольте вам сказать, что вы сильно заблуждаетесь относительно моего характера. В моих жилах течет буйная кровь бродяг Севера. С раннего детства я свыклась с рассказами о подвигах, неудачах, походах и поразительных приключениях. С опасностями свыкаешься, часто вслушиваясь в толки о них. Мой отец не новичок в этих делах, и я полностью полагаюсь на него. Пока он доволен, и я довольна, когда ему будет худо, и я не хочу, чтобы мне было хорошо. Как видите, я желаю разделить с ним все опасности.

Сильвина замолчала, а Кенет почувствовал, как растет в нем уважение к девушке. Он готов был выразить ей свое сожаление по поводу того, что вызвал ее раздражение, как вдруг заметил необычную суматоху в авангарде отряда.

– Вот, кажется, и начинаются затруднения, о которых я говорил. Посмотрите туда: это очень смахивает на перестрелку.

– В окружении таких храбрых защитников я могу не беспокоиться, – ответила Сильвина насмешливо.

В эту минуту облачко дыма вылетело из близстоящего куста; почти в тот же миг раздался выстрел, и один всадник, выпустив повод, свалился с седла головой вниз. Перепуганная лошадь помчалась с горы, увлекая несчастного, нога которого застряла в стремях. Кенет соскочил на землю, остановил лошадь и положил раненого на траву.

– Кончено! – прошептал раненый. – Пуля попала прямо в грудь! Этот проклятый выстрел отправляет меня расставлять западни и охотиться на том свете. Впрочем, я этого ожидал: так должен умереть всякий честный охотник.

Кенет расстегнул одежду бедняги и увидел, что тот прав: рана была смертельна. Пуля прошла через легкие, и запекаясь кровь пропитала его одежду.

– Не беспокойтесь обо мне, – сказал умирающий, видя, что Сильвина с участием наклонилась к нему, – немного раньше или немного позже, но это должно случиться с каждым из нас. Да будет благословенно ваше доброе сердце, но как это ничтожно, когда валится с неба птица моего полета! Передайте мой прощальный привет товарищам и похороните меня в уголке, где протекал бы ручей, зеленела травка, и... – он с трудом произносил слова, – немного развесистых деревьев, чтобы давали тень моему последнему приюту.

Подняв глаза к небу, умирающий улыбнулся и прибавил:

– Знаете ли, мы, охотники, любим ручьи, леса и луга. Прощайте! Мы увидимся, друзья... там, на великой ниве будущей жизни – на великом Северо-Западе вечности.

Это были последние вырвавшиеся из его груди слова, с ними он и скончался.

В эту минуту послышался голос Саула Вандера:

– Вперед, молодцы! Джон Легри пошел теперь другой дорогой, в обход, и когда-нибудь мы встретим его под сенью палатки, курящего трубку блаженства, с большим запасом пуль и сухого пороха... Волк, позаботься о моем ягненке.

И он поскакал к голове отряда, где началась уже горячая перестрелка.

Хотя Кенет и жаждал боя, однако с места не трогался; маленькая худощавая рука Волка казалась ему недостаточной защитой для Сильвины. Взглянув на мальчика, он заметил, что тот смотрит на нее с каким-то особенным огнем в глазах. Никогда еще Кенет не обращал на него особого внимания, но в эту минуту он был поражен дикой красотой лица молодого индейца. Его детская физиономия выражала что-то гордое и высокомерное. Шум битвы как-то странно волновал его, губы дрожали, зрачки пылали огнем, и грудь неровно поднималась. Внимательно

посмотрев на него, Кенет сказал ему, прибегая к тому образному языку, на котором обыкновенно изъясняются индейцы:

– Отпрыск Волка, не отходи от своей молодой госпожи и не подводи ее близко к передовому отряду. Пускай твои глаза зорко стерегут ее, и не позволяй врагу обойти себя.

Волк, не говоря ни слова, снял ружье и молча держал его наготове.

– Он верен как собака, – сказала Сильвина шепотом и наклонилась к Кенету, – но он угрюмого нрава. Посмотрите, он уже косится на вас, он очень не любит, чтобы ему отдавали приказание посторонние.

Кенет поклонился и, прищипорив лошадь, полетел вперед. Всюду раздавались выстрелы, и крики охотников отвечали на дикие завывания невидимого врага.

Глава IX

Нападение

Кенет, явившись на поле битвы, очутился около Авраама Гэмета.

– Право слово, – сказал квакер, – мой конь чует битву, грызет удила, и, я боюсь, как бы он не увлек меня в эту свалку.

– У вас такая мощная рука, что вашему животному невозможно ее послушаться, – отвечал Кенет.

Не успел он этого выговорить, как лошадь квакера стала биться, взвилась на дыбы и, закусив удила, помчалась как бешеная к лесочку у самого подножия холма.

– Надо спасать беднягу, – сказал Кенет Нику Уинфлзу, заряжавшему свой длинный карабин.

К несчастью, лошадь увлекала Гэмета именно в том направлении, откуда стреляли индейцы и где пал Джон Легри. Кенет прищипорил и без того горячившуюся лошадь, но, несмотря на все свои усилия, не мог настичь квакера; они оба летели с быстротой молнии и через несколько мгновений достигли леса. Лошадь квакера шла все еще впереди на порядочном расстоянии. Деревья здесь были невысоки и росли очень густо, так что Кенет скоро потерял Авраама из вида. Послышался выстрел в чаще леса, и молодой человек подумал, что пришел последний миг жизни квакера. Но ему не хотелось покидать товарища, посланного ему судьбой, в беде, и потому, прищипорив лошадь, он снова пустился вскачь. Вдруг, перескакивая через сломанное грозой дерево, он увидел на земле черноногого в предсмертных страданиях. Молодой Айверсон вздрогнул, и действительно зрелище было достойно содрогания. Череп индейца был разрублен пополам от затылка до подбородка. Сильна же была рука, которая смогла нанести такой мощный удар. Вспомнив, что у квакера был топор, Кенет в ту же минуту подумал, что это дело его рук, но мысль о миролюбивых правилах Авраама заставила его усомниться в этом предположении.

Миновав жертву, он устремился далее в лес, как неожиданно какой-то индеец бросился на него с громогласным воплем. Он был гигантского роста и замахнулся уже томагавком, чтобы ударить нашего молодого приятеля. К счастью, Кенет нагнулся, и удар, миновав голову, попал по плечу, но с такой силой, что он потерял равновесие и свалился с лошади. Несмотря на боль и мимолетную потерю сознания, он вскочил с проворством кошки и бросился на противника, стараясь задушить его. Дело было трудное, потому что голое и намазанное маслом тело дикаря было так скользко, что руками его захватить было трудно. Однако благодаря своей ловкости и силе мускулов, которыми природа его щедро одарила, Кенету удавалось несколько раз сбить с ног своего врага. Но лишь только он намеревался оседлать его, индеец, как угорь, ускользал из его рук, и борьба возобновлялась с усиленной яростью.

Чувствуя, что силы уходят, Кенет решил нанести последний удар, собрав остатки всех сил. На один миг он приостановился, собрался с духом и попытался схватить за горло краснокожего с намерением задушить его. Однако попытка оказалась неудачной, и противник воспользовался его промедлением, чтобы подставить ему ногу; Кенет потерял равновесие и упал. Индеец в то же мгновение поставил колено ему на грудь и приготовился снять скальп. Но вдруг воздух огласился бешеным лаем. За лаем последовал жалобный вой, и черноногий выпустил из рук добычу и покатился наземь. Дрожа всем телом от страшного волнения, Кенет поднялся и увидел Напасть в яростной битве с дикарем.

Недолго длился бой: не успел еще Кенет опомниться, как четвероногий отправил индейца к великому Маниту.

– Добрая ты собака, хорошая ты, Напасть, – говорил Кенет, с нежностью смотря на верного друга Ника, – ты опять оказала мне услугу, за которую, конечно, мне трудно расплатиться с тобой. Благородное ты животное! Каждый твой подвиг противоречит твоему прозвищу!

Напасть и ухом не повела, ее глаза в упор смотрели на лицо индейца.

– Он умер, – сказал Кенет, – оставим его; помоги мне отыскать квакера.

Лошадь Айверсона оставалась неподалеку от места падения хозяина и смирно ожидала его. Радуюсь, что так дешево отделался, но утомленный испытанным потрясением, он опять сел на лошадь, сам не зная, куда направить животное. Однако он решил доехать до прогалины в тридцати шагах от него и как можно скорее отправиться в обратный путь, в случае если не найдет там Гэмета. Но на первых же шагах открылась картина, поразившая его и прежде: в нескольких шагах от места битвы лежало тело краснокожего, холодное, недвижимое, с разрубленной на две половины головой.

«Как это странно!» – подумал Айверсон, но не было времени, чтобы предаваться праздным размышлениям. Все вокруг Кенета грозило опасностью. Он привстал на стременах, быстрым взглядом окинул все окрестности, и, не видя ни Авраама Гэмета, ни его лошади, он поспешно повернул назад. Дорогой он встретился с Ником Уинфлзом, летевшим на мохнатом коне.

– А вы меня просто напугали! – сказал Ник. – Бобры и выдры! Неужели же там на вершине было мало опасностей, что вы полезли еще в лес, где краснокожие роятся, как шершни?

– Не удаль кипучей молодости потянула меня туда, – отвечал Кенет, – а желание спасти беднягу Авраама Гэмета; лошадь взбесилась и понесла его, вероятно, на верную смерть. Он исчез вон там, и я не сомневаюсь, что его волосы висят теперь на боку какого-нибудь черного героя.

– Черт бы побрал все! Ему совсем не следовало заезжать в эти края. Не для такой жизни сотворены квакеры и люди, ищущие мира в этой жизни. Каждый человек, имеющий хотя бы на две полушки здравого смысла, должен держаться настороже против всяких осложнений в этом краю проклятых дикарей. Впрочем, – продолжал Ник философским тоном, – нет худа без добра; этот широкополюй¹⁰ был великим обжорой, хуже собаки. Ну да, право слово так, ваш покорнейший слуга! Он только и делал, как охал да стонал, что его здоровье расстроено, что его желудок совершенно не работает. Однако, когда он говорил: «Я не голоден», именно в этот момент его пожирал голод. Словом, он был совсем не тем, кем хотел казаться. Всегда следовало думать о противоположном тому, что он утверждал, чтобы иметь правильное о нем впечатление. Такого рода характеры мне совсем не по душе. Итак, если он отправился в путь иной, то я постараюсь утешиться в этой потере.

И вместо заключения Ник вздохнул с огромным удовлетворением.

Они рысью поскакали к отряду; Напасть не отставала от Огневика.

– А ваша нелюдимка еще раз спасла мне жизнь, – сказал Кенет.

– Будь благословенна ваша простота! Не это ли главное дело Напасти: прилагать свою лапу во всех затруднительных обстоятельствах, в которые мы случайно попадаем?

Когда Кенет и Ник подъехали к другим охотникам, перестрелка уже затихала. К ним навстречу поспешил Саул Вандер.

– А негодяев порядком набралось, понимаете ли?

– Да, – отвечал Ник. – Это я понимаю.

– Мы не можем располагаться лагерем по соседству с этим лесом, – продолжал проводник.

– Не думаю, – возразил Уинфлз.

– Я придумал план, чтобы сбить их с толку, понимаете ли?

¹⁰ Намек на квакерскую шляпу с широкими полями.

– Не понимаю, – отвечал Ник.

– Мы отправимся за милю отсюда, разведем костры, приготовим ужин, устроим три-четыре шалаша, а ночью тихо уйдем.

– А они вслед за нами, – сказал Уинфлз.

– Саул Вандер так давно ходит по этой стране, что не может и этого не знать, – возразил проводник сухо. – Цель моего маневра не в том, чтобы избежать встречи с ними, если у них есть охота тревожить нас. Раз уж случилось так, что они несколько недель ходили по моим пятам, довольствуясь тем, что то лошадь, то мула отобьют, а иной раз кожу с черепа сдерут у какого-нибудь отставшего охотника.

– Да, – сказал Ник, кивая головой, – и это напоминает мне, как однажды, охотясь в Скалистых горах, я терпел преследование в продолжение десяти месяцев от одного индейца-ворона, которому понравилась моя пороховница. Кончилось тем, что он украл ее у меня, когда я спал. Это не привело меня в ярость только потому, что стойкость этого ворюги заслужила слишком жалкое вознаграждение. Тогда у меня была подагра, следствие страсти к лакомым яствам; но будь я в то время легконогим юношей, я и то не сделал бы шага для того, чтобы возвратить свою собственность.

– А я дивлюсь, почему он не прихватил и вашего скальпа заодно с пороховницей, – заметил Кенет.

– Дело в том, что ему хотелось доказать мне, что победа осталась за ним; мошенник понимал, что если бы он снял скальп с моего черепа, то я никогда бы не узнал о его успехе, – возразил Ник с невозмутимым спокойствием, – однако я отплатил ему той же монетой и в другой раз украл у него томагавк, и, поверите ли, с той поры мошенник постоянно меня преследует.

– А как давно это было? – спросил Саул Вандер.

– Да лет пятнадцать будет, – отвечал Ник, устремив глаза в небо с неподражаемым простодушием.

– Он принадлежит к замечательному роду, – насмешливо сказал Саул Кенету. – Его отец и мать, братья и сестры, дядьки и тетки, племянники и племянницы – все были необыкновенными людьми. Его собаки и лошади не похожи на других собак и лошадей – понимаете ли?

– Нет, не понимаю, – отвечал Ник, – я никогда не рассказывал ни истории моего рода, ни истории моих собак и лошадей, которых у меня было множество. Едва ли когда-нибудь я открыл рот насчет моей лошади Советницы, которая теперь мирно пасется в Стране Бизонов. Вы скажете, что возраст не способствовал улучшению ее качеств, но понятия у нее не меньше, чем было прежде. Теперь она ничего не делает, и потому ноги у нее не так быстры, как прежде, но тем не менее она по-прежнему пользуется славой. Она стонет и вздыхает, как малый ребенок, когда видит, что я отправляюсь в горы, а ее не беру. Огневик приходится ей родней в третьем колене. Вот вам еще лошадь первого сорта. Мчится она быстрее смерча.

– А моя лошадь все-таки получше вашей будет, понимаете ли? – прервал его Саул с видом оскорбленного достоинства.

– Нет, не понимаю и терпеть не могу, чтоб у меня спрашивали, понимаете ли вы то или другое, чего я совсем не понимаю. Вам следовало бы отвыкнуть от этой дурной привычки, потому что рано или поздно она вас впутает в чрезвычайно неприятные обстоятельства. Но, говорю вам и повторяю: в отношении силы и ума, быстроты ног нет во всем мире лошади, которая могла бы сравниться с Огневиком.

Ни слова не отвечая на такое вызывающее заявление, Саул Вандер созвал своих стрелков и повел отряд в избранное им место для отдыха. Несколько ружейных выстрелов, раздавшихся в разных местах во время отступления охотников, и яростные крики индейских воинов были единственными событиями, которые ознакомили этот маневр.

Глава X

Охотничий стан

Во время перестрелки Волк не покидал указанной ему позиции около Сильвины, которую Саул Вандер благоразумно оставил в арьергарде, отчасти под защитой лошадей, терпеливо тащивших свой тяжелый груз. Волк не был расположен к разговорам. Его глаза непрерывно перебегали от леса к своей госпоже. В его сердце бурлили чувства не совсем обыкновенные. Сильвина, всегда склонная к опасениям, наблюдала за его физиономией, и самые мимолетные перемены на ней не скрывались от ее внимания.

– Волк, – сказала она, – сегодня кровь кипит в твоих жилах. Неужели военный клич черноногих пробуждает в тебе сожаление о жизни в лесах?

– Олень и бизон так созданы, чтобы жить в лесах и лугах, – отвечал он. – Можешь ли ты научить их любить хижины белых или возвращаться на ночь под навес, как лошадь и корову, домашних животных? Волк любит шататься по полям, раздирать жертву зубами и когтями; можно ли приучить его садиться за стол и есть с ножом и вилкой, как бледнолицые? Пока он мал, – продолжал он, сверкая глазами, – он еще может лизать твою руку, но когда он растет, когда в нем просыпаются характер и сила, тогда он кусает пальцы, играющие с ним, тогда он забывает, что эти пальцы вскормили его.

– Маленький дикарь! – сказала Сильвина сурово. – Я знала, что ты горяч и злопамятен, но не предполагала, что в тебе есть такие опасные инстинкты. Ты нарисовал картину, которая заставит меня построже присматривать за волчонком.

Волк презрительно кивнул и пристально посмотрел в сторону леса.

– А я воображала, – продолжала она, – что ты и не думаешь о себе подобных, но, видно, ошиблась: волка сколько ни корми, все в лес смотрит, а дикарь так и говорит в тебе. Правда, до сей поры ты служил мне верно, но я совсем не желаю дожидаться того, как ты станешь кусать тебя вскормившие пальцы. Вон там жалкие существа, полунагие дикари, которых ты называешь своими ближними. Возвращайся к ним! Ступай же, неблагодарное дитя! Не для тебя существует цивилизация! Возвращайся в свои леса, в первобытное невежество и забудь все, чему я тебя учила.

Волк подобрал поводья, но в ту же минуту опять опустил их. Он был сильно взволнован. Его глаза сверкали и, казалось, высматривали кого-то в чаще леса. Но, сдерживая свое волнение, укрощая желание уехать, он повернулся к дочери начальника и окинул ее пристальным, полным страсти взглядом.

– Чего же ты медлишь? – произнесла Сильвина холодно. – Не хочет ли Волк попробовать свои зубы на мне, прежде чем уйти в свое логово?

– Восход Солнца, – отвечал он медленно, – если бы дитя черноногих хотело того, не имело ли оно множества удобных случаев зарубить тебя?

– Как, ты еще здесь? – воскликнула Сильвина презрительно. – Ступай же туда: я боюсь тебя. Вероломство так сильно в крови твоей, что я не могу уже доверять тебе. В недобрую минуту ты зарежешь меня и увезешь мой скальп к соплеменникам.

Волк нахмурился, отвернулся от Сильвины и, скрестив руки на груди, оставался недвижим, как статуя. Зная его характер, молодая девушка не настаивала на ответе.

Она видела, как лошадь умчала несчастного квакера, видела и попытку Кенета спасти его. Когда же Кенет бросился в чащу леса, где дым ружейных выстрелов свидетельствовал о присутствии неприятеля, тогда ею овладела жестокая и неодолимая тоска. Тоска ее увеличивалась по мере того, как время шло, а Кенет не показывался, наконец она невольно сказала себе: «Никто не видел, как он въезжал в лес. Боже мой, что, если он погибнет? Но где же отец?

Ах! Вот он распоряжается стрелками. Какое мужество! Он выступает впереди своих воинов так спокойно, как будто мы в Селькирке. Как бы мне предупредить его?»

Не dokonчив своей мысли, она посмотрела на Волка и, заметив странную перемену в его физиономии, имела с ним известный уже разговор. Она намеревалась послать его к отцу, чтобы предупредить об опасности, которой подвергается Кенет. Но после разговора с маленьким индейцем она побоялась дать ему это поручение и продолжала внимательно осматривать опушки леса, доступные ее взгляду. Заметив, что собака Ника что-то почуяла у опушки леса, Сильвина прищипорила лошадь и направила в ту сторону. В одну минуту она очутилась среди сражающихся и слышала, как пули свистели мимо нее. Но она была так сильно взволнована, что не сознавала опасности.

– В лес, собака, в лес! – закричала она. – Скорее в лес!

Напасть зарычала, понюхала воздух и как стрела помчалась в чащу. Сильвина опять прищипорила лошадь и подлетела к Нику, который спокойно заряжал свой карабин.

– Ник! – закричала она укоризненно. – Неверный вы товарищ: Кенет в опасности.

– Где это, где?

– Вот там, – отвечала она, указывая хлыстом на лес.

– Вот молодой человек, который вечно попадает в какие-то истории, но я вытащу его, ей-богу! Это так же верно, как я ваш покорнейший слуга.

С этими словами он прищипорил Огневика и ринулся в лес. С минуту Сильвина следила за ним. Но когда он скрылся за деревьями, она повернулась и увидела, что Волк стоял между ней и тем местом, откуда стреляли индейцы. Пуля не могла достигнуть молодой девушки, не пройдя сквозь тело мальчика.

– Как? Опять со мной... Тут опасно для тебя... Тебя могут убить твои же...

Ни один мускул не дрогнул на лице Волка. Недвижим и безмолвен как камень оставался он.

– Розанчик! Розанчик! Ради самого неба! Что ты тут делаешь? Назад! Назад, доченька! – кричал мужественный голос, дрогнувший от беспокойства.

– Не беспокойтесь, – отвечала она весело. – У меня есть талисман против пуль краснокожих. Впрочем, я спешу повиноваться любимому отцу.

Подозвав Волка, она возвратилась в аррьергард, не обращая внимания на то, что пули черноногих во многих местах изрешетили ее платье.

Велика же была ее радость, когда она увидела Кенета, возвращающегося к отряду, однако она ничем не выразила своих чувств.

Когда, следуя приказаниям Саула, охотники поставили свои шалаши на расстоянии двух миль от места битвы и были разведены костры, все расположились на траве, чтобы поесть, поговорить и отдохнуть после дневных трудов.

Айверсон не имел понятия, что спасением своей жизни он обязан заботливости Сильвины. Если бы он знал это, какими золотыми мечтами убаюкивал бы себя! Но, считая себя отвергнутым, он сидел, мрачный и молчаливый, около Ника Уинфлза, способности которого к болтовне плохо сообразовались с печальной озабоченностью его товарища.

– Вот окаянный-то, Господи! – бормотал Ник, разводя костер и выплевывая табачный сок. – Право слово, окаянный. С тех пор как ему приглянулась эта девочка, он сделался угрюм, как больной индеец. Если это у него в обычае становится мрачным из-за женщин, то, надо надеяться, в одно прекрасное утро этот лакомый кусочек улетучится из-под его носа. И это будет хорошо, ей-богу; право слово, так! Собака, лошадь, добрый товарищ – чего еще желать, когда идешь расставлять западни и охотиться! Присутствие нежного создания всегда создает массу затруднений. Один влюбляется, другой ревнует, третий похищает, а в итоге выходит невероятная путаница. Давно это было, – продолжал он вслух, обращаясь к Кенету. – Я знал человека по прозвищу Козел-Бизон. Я и теперь его помню по этому случаю – была у него

дочка, такая смазливая, ну такая красивая, что хоть сейчас в огонь за нее. Старый Козел-Бизон подобрал ее в степи, когда она была не больше куклы. Он все еще называл ее своей Крошкой-Белянкой. Ну, она была мила, мила, что твое сердце. Что ни день, я все напевал ей про любовь, а она всегда была готова поставить меня в затруднительные обстоятельства. Благословенная ваша простота! Ах, что это была за чародейка, когда она принималась выкидывать свои штуки! Верхом она ездила лучше слуги! Что, бишь, такое я говорил? Да, ну уж и задавала она работы всем охотникам, что тебе шелк распутать! Сегодня один влюблен, завтра другой. Не менее двадцати раз ее похищали, а сколько через нее было убито молодых и храбрых рыцарей – и счет потерян! Она была до окаянства прекрасна, эта Белянка старого Козла. Признаюсь, дочка Саула Вандера порядком смахивает на нее. Пока она не будет связана солидным браком, конца не будет мидам и контрмидам, ловушкам и интрижкам, ранам и синякам. Помяните мое слово, что так.

– Какая плачевная картина, – сказал Кенет, улыбаясь.

– Всего лишь житейская истина. Это по всему видно. Разве не было уже обмена жестокими словами и дуэли? Готов пари держать – Огневик против миллиона долларов, – что она еще не раз поставит вас в затруднительные обстоятельства.

Ник заложил под язык новую порцию табачной жвачки и принял торжественный вид оракула, много раз доказавшего на деле свою проницательность, так что и сомнения не могло быть в верности его предсказаний.

– А я все думаю об Аврааме Гэмете, – сказал Кенет.

– Да, жаль его, беднягу! Впрочем, это неизбежные случайности избранного нами образа жизни. С другой стороны, невелика потеря. У него были хорошие ноги, хорошие руки, хорошая голова, хороший желудок, но ни на волос энергии. Широкополый! И вся его сила сосредоточивалась в его желудке. А эти его вечные оханья совсем были мне не по вкусу. Ей-богу! Право слово, так, а он был самый ужасный...

Внезапное появление какого-то всадника положило конец излияниям Ника. Всадник тихо продвигался в десяти шагах от них.

– Бобры и выдры! – воскликнул Ник Уинфлз, даже подскочив от удивления. – Вот и сам наш товарищ во всей плоти и костях! А мы только что толковали про вас, почтенный господин, и наши думы были так плачевны... ну так плачевны... Вот я, например, проплакал около часа по крайней мере, да вот, смотрите, у меня и теперь глаза мокрые.

– Друг Уинфлз! Подъезжая, я слышал, как ты выражал свою печаль, и благодарю тебя за доброе слово, – сухо отвечал Гэмет, слезая с лошади.

Кенет внимательно осматривал его, пока он расседлывал свою лошадь. Ему припомнилось виденное в лесу. Картина разрубленных пополам голов все еще мерещилась ему. Кто убил несчастных, которым принадлежали эти головы? Без сомнения, не Гэмет. Однако Кенет предполагал расспросить тяжеловесного квакера, в надежде, что его ответы позволят установить истину.

Авраам закончил заниматься с лошастью, подошел к костру и грел руки у огня. Кенет наблюдал за ним с большим вниманием, чем прежде. Его фигура, хотя громадных размеров и мускулистая, производила впечатление приятное. В ней была мужественная соразмерность, особенная симметрия, вполне соответствовавшая резким и правильным чертам лица. Темные длинные волосы осеяли массивный лоб. Какая-то сонливость разливалась по лицу, но бывали минуты, когда внезапно этот туман исчезал, выражение менялось, и глаза, обыкновенно тусклые и опущенные, вдруг начинали искриться. Все движения его были неторопливы, а осанка необыкновенно спокойна и даже величава. Похоже было, что он никогда не поддавался раздражению. По этой внешности каменного спокойствия нельзя было предположить, чтобы он мог быть приятным собеседником для людей типа Ника Уинфлза.

– Ваше возвращение, – произнес наконец Кенет, боясь, чтобы его молчание не было превратно истолковано, – служит предметом нашего удивления и вместе с тем радости.

– Да, поистине Господу угодно было избавить меня от рук язычников. Я точно полено, вырванное из огня. О-о-ох-хо-о-о!

– Ого! Ничего не потерял.

– Я употребил все усилия, чтобы догнать вас, – продолжал Айверсон. – Но по дороге встретил врага, который чуть было не отправил меня на тот свет. Если бы не собака нашего друга, мне был бы конец.

– Надеюсь, что ты не позволил свирепому зверю умертвить бедного человека? – спросил квакер с участием.

Ник насмешливо поглядел на него и с каким-то особенным восторгом принялся жевать свою жвачку.

– По чести! Если он умер, так никак уж не по вине собаки! – возразил Кенет с некоторой досадой.

– Человекоубийство может быть оправдано в некоторых случаях, но берегись, молодой человек, напрасно жертвовать человеческой жизнью! – прогремел Авраам, косясь на Ника.

– Но вы нам не рассказали, как вы сами спаслись. Ведь это было трудно, почти невероятно! – сказал Кенет.

– Истинно так. Ретивый конь увлек меня в лагерь филистимлян¹¹. Хотя я подвергался многим бешеным нападениям и хотя меч и секира были подняты на меня, однако я невредимым прошел сквозь неприятельские ряды. Поистине, как ты сказал, это почти чудесное спасение. О-о-ох-хо-о-о!

Авраам с видом чистой невинности прижал свою громадную ручищу к груди.

– Неужели вы могли бы уложить двух-трех врагов, если бы только нужда была? – спросил вроде бы в шутку Ник.

– Думаю, что так, – отвечал квакер с хладнокровием философа. – Я мог бы многим из них нанести вещественный вред, потому что, говоря по правде, они часто совались ко мне во время этого поистине страшного перехода.

– Однако вы говорите об этом с необычайным миролюбием, – заметил Кенет. – Я и сам уже не знаю, как это назвать, хладнокровием, мужеством или бесчувственностью.

– А называй как хочешь, друг Кенет, меня оскорбить трудно.

– Одно только удивило меня в лесу. Когда я гнался за вами, мимоходом я видел двух индейцев, у которых головы были разрублены пополам от затылка до подбородка, – заметил Айверсон, не спуская глаз с квакера.

– От твоих слов я весь дрожу. Какой же это был удар, чтобы так изувечить бедного человека? Ну а ты, друг Кенет, постарался ли перевязать их раны, как следует истинному христианину?

И при этом Гэммет являл своему собеседнику лицо, омраченное ужасом и состраданием.

– Боюсь, что все усилия хирургии бесполезны для людей, у которых мозг словно бритвой срезан пополам, – отвечал Кенет, улыбаясь.

– А я знавал человека, который с головы до ног был разрублен пополам, а и того вылечил индейский доктор, – произнес Ник самым что ни на есть достоверным тоном.

¹¹ Филистимляне – древний народ, по преданиям обитавший на побережье Средиземного моря (в основном к югу и к северу от современного города Газа). В переносном значении – язычники, варвары, враги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.